

алексей пространства
машевский и места

АЛЕКСЕЙ МАШЕВСКИЙ

ПРОСТРАНСТВА И МЕСТА

ИЗБРАННОЕ

**Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу, и меряю пустых пространство мест...**

Державин

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

МЕСЯЦ НА СТРОЙКЕ

Друзьям

1

Над битумоваркой
 Слабый, сизый, едва различимый дымок,
 У ног
 Арматуры разодранной ржавые клочья
 И бочки с соляжкой.
 Присесть на бетонный лоток,
 Подумать: «Какой созидательный Бог
 Превысил свои полномочья?»
 А ночью,
 Когда ни души и торчат обелиски обломанных свай,
 Еще на себя не принявшие тяжкого груза,
 На крыльях совы прилетает сюда невзначай
 И кружит над стройкою страшная Черная Муза.

2

НАЧАЛО РАБОТЫ

Как бы нехотя, вяло
 Расползается желто-песочный туман,
 Бледно-сизой медузой солнце всплывает над лесом,
 Котлован
 Заштрихован тенями,
 Скользит непрерывным отвесом.
 Ничего не пропало:
 Все тот же подшлемник нам дан,
 Та же пара сапог, те же шаткие досочки к яме.
 Но руками
 После булки со шпротами,
 Мыла, хрустящих простынь
 Как-то страшно – до струпьев железа, смолы, штукатурки.
 За воротами
 В желтой дымке с похмелья беспутная грузная синь
 И пустые фигурки...
 Светло-серая глина,
 Канареечно-желтый песок,
 Как глаза у совы, как внезапный последний бросок,
 Ты беспомощен, ты – розоватый кусок,
 И не целый, а так, половина.
 Привязалось, долбит монотонно в висок:
 «Арлекино!» – опять – «Арлекино!»

3

БЕЗ ЭКСКАВАТОРА

А земля так черна и тверда!
 Узнаю твои черные жесткие крылья.
 Сколько надо усилия,
 Сколько труда! –
 Под лопатой опять проступает вода.
 Только лишние эти усилья...
 Экскаватор все утро, уткнувшись ковшом
 В мутно-бурую лужу, ржавеет без дела...
 Закупорено тело,
 Рубашка насквозь пропотела –
 Прилипает; сдираешь и дальше долбишь нагишом.
 Словно в бронзовой Трое:
 Лопата, плита и в зенит
 Водворенное солнце, отвесное, без оговорок.
 За пригорок
 Уйдя, экскаваторщик праведно спит.
 Пожалеем железо, давайте оставим в покое!
 Нас хоть двое:
 Я да ты, Чернокрылая. И безо всяких обид.

4

ПЕРВЫЙ ПЕРЕКУР

Беззаботность! Замечательно разнообразие блеклых цветов
 Спецодежды, лазури...
 И защитные шлемы картонно-крепки.
 Под раскатистый грохот железных листов
 Даже брови не хмурим.
 Мне все кажется, воздух привычно готов
 К хрипловатому окрику: «Эй, мужики,
 Перекурим!»
 Разве можно унять,
 Задержать равнодушный соблазн повседневной работы!
 Где-то тикают счеты,
 Где-то варят гороховый суп...
 И опять
 Не признаться себе, для чего ты и кто ты:
 То ли честно-труслив, то ли просто сознательно-глуп.
 О мои неотступные, неуклюжие детские лица,
 Красноносые мальчики с ключьями сивых волос!
 Чем балуетесь нынче? И чего вам бояться, стыдиться? –
 Неужели стащили пяток папирос
 И хотите тайком накуриться?

5

ПРОКЛАДКА КАБЕЛЯ

Авария. Траншея. Кабель. Дождь –
 Не переждешь –
 Накрапывает. Скользкою лопатой
 Терзаешь землю. С руганью крылатой
 Долбишь кирпич. Засасывает грязь.
 Поводит, выпрямляешься смеясь,
 Но устаешь...
 Склоняешься над крошкой красноватой:
 Все перепутано, едва ли что поймешь –
 Пласт глины перемешан с серой ватой,
 Как с болью – ложь.
 Копейка черная, фарфоровая кошка
 Без головы, расплющенная кость,
 Червь или гвоздь,
 Ключей заржавленных увесистая гроздь
 И вездесущая дюралева ложка,
 Очков разбитых долгий взгляд незрячий,
 Гнилые доски конуры собачьей,
 Ошметки века и обломки дачи
 Перелопатим – что нам до того!
 Давно не верим в радостный Эммаус
 И только перекапываем хаос,
 Да, только и всего...

6

БЕТОНИРОВАНИЕ ПОЛОВ

Не хочу!
 Под пролетами зала,
 Под навесом железных конструкций
 Траншеями взрыта земля.
 И лучу
 После нежных настурций
 Неприятно касаться
 Чешуйчатой кожи металла.
 Ну а я?!
 Даже Черная Муза во встрече и та отказала –
 Начинает бояться,
 Совиные крылья тая.
 Навалили бетон,
 И клубками, как скользкие змеи,
 Копошится, волнуется он –
 Повторяется давешний сон:

Я смотрю и проснуться не смею.
 Хаос дыбится –
 Новый прилив,
 Значит, с нами опять
 Завтра что-то случится.
 Белобокая рыбица
 Бьется, дробится...
 Ничего невозможно понять –
 Мир бессмыслен и сверхсправедлив...
 Но порыв?!
 Но мое нежелание или желание смысла
 Пусть слабее – но выше!
 Отчего так безвольно повисла
 На лопате рука?
 Что вы там все бормочете тише и тише!
 Я еще не ушел,
 Я еще не отчеркнут пока!
 Под ногами
 В бетонной искрящейся амальгаме
 Свежий пол.

7

ВТОРОЙ ПЕРЕКУР

Солнце поймано в трещину
 На стекле и растянута в полосу.
 Раз не куришь, то смотришь с одной из раздавленных плит
 На красивую женщину,
 На ее золотистые волосы
 И на странный прибор под названием теодолит.
 А над ржавыми трубами
 (Сколько грязи на них, сколько пыли-то!),
 Над бетонными срубами,
 Над желтками песочными куч
 Голубое стекло без единого промаха вылитое,
 И свободно проходит капризный, обидчивый луч.
 Может быть, так и надо – ограниченны планы, задания;
 Здесь простая, дорожная – там холодная, звездная пыль.
 Золотистая женщина размечает нам фронт созидания:
 Фронт за линией фронта.
 Но кто помешает, не вы ль?

8

ПРИВЫКАЕШЬ?

Привыкаешь
 К хаотичности воздуха, разноголосице ям
 В измочаленном грунте, к обломкам, обрывкам, осколкам.
 Ну о чем ты мечтаешь?!

Теперь уже, верно, и сам
 Не припомнишь, не выскажешь, не сформулируешь толком:
 Мир – упрям,
 Неподатлив, а главное, страшно ленив,
 А раз так, значит можно когда-то и с ним примириться.
 Под ногами струится
 Вода из канавы на слив
 И искрится, искрится.
 Привыкаешь?
 Без трепета видишь чернильные пятна смолы
 На бетонных настилах –
 Ее заостренные перья –
 И уже ни траншеи, ни вздыбленной грязи валы
 Не рождают в душе недоверья?
 В наших силах...
 (Правда, правда – без лицемерья.)

9

АВАНС

Как стегоцефал
 Из дремучего кембрия или из ордовика,
 Бульдозер пропал –
 Возмущенно топорщит бока
 И, сильно кренясь, погружается в мертвую тину.
 Еще хорошо, если яма не столь глубока!
 Распахнута дверца кабины, но нету того дурака,
 Который сумел так надежно угробить машину.
 Аванс! Всколыхнулся грохочуще-спящий мирок,
 Уже потянулись похожие, как однолетки,
 Могучие детки,
 Звучит озорной говорок;
 На белой стене заклинание: *Выполним в срок*
Задание пятилетки!
 Осталось всего-то забыть или тихо прозреть,
 Сродниться с лопатой, шары заколачивать в лузу,
 Подсчитывать медь...
 И ждать, и надеяться, и осторожно надеть
 Тугую повязку на слишком уж черную Музу.

10

КОНЕЦ РАБОТЫ

Котлован,
 Как воронка от взрыва –
 Арматура торчащая смята,
 Бахромою свисает с ковша экскаватора грязь,
 И боясь
 Поскользнуться, идешь. Штыковая лопата,

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО В ЛАБОРАТОРИИ

Ночью здесь беда случиться может.
Коридоры зыбкие похожи –
Двери, двери, двери, полумрак –
На убежище или на бункер. Боже,
Неужели это будет так?
Лампа одинокая тревожит,
И скользит замедленно по коже
Пальцами холодными сквозняк.
А зайдешь: малиновые дуги,
Печи багровеют от натуги,
Булькает в сосуде водород.
Ровный сон младенческой науки...
Встанешь у окна, скрестивши руки, –
Снег идет...

* * *

Мелок равнодушно, противно скрипит
По доске. Отвлекаясь
От прерывистой пляски иксов, от затянутых петелек гамм,
Наблюдаю за лектором: как он кривит
Осторожные губы, открытой ладонью касаясь
Мокрой тряпки, и мел пристаёт, прилипает к рукам.
Впрочем, он увлечен доказательством, тут уточняет де Бая,
Там Ферми... Зал затих.
Мой сосед наклонился вперед и очки приподнял, ожидая
Заключительной формулы. Голос звучит нарастая:
«Остается подставить икс штрих!»
Остается подставить...
После лекции стулья расставить,
Свежий воздух впустить через форточку, яркость света убавить,
И, домой возвращаясь, увидеть, как вдруг поредел
Рыхлый, стынущий сад... Ничего не спасти, не поправить.
Мел на согнутых пальцах, сухой, раздражающий мел.

* * *

«Так к сорока пяти,
А если повезет,
То к сорока годам
Смогу я дорасти
(Случайности не в счет!)
До старшего научного... А там
Жизнь, словно ракушка морская, обрстет:
Статьи, семья, безрадостный комфорт –
Не веришь сам...
А станется!..» – так думал я, входя
В метро, от капель липкого дождя
Отряхивая зонт, не находя
Пяти копеек. Скучный турникет,
Здесь намертво поставленный, следя
Раскладывает мир на «да» и «нет».
Зажжется лампочка, затмится утлый свет –
Как странно быть еще при жизни тенью!
Монетка медная... Что ниже по течению?
Железный лодочник, прими мой амулет...

Резиновый ползучий парапет
На двадцать, тридцать или сорок лет...
Неужто жаль чего-то привиденью?!

ГЛУХОНЕМЫЕ В МЕТРО*Л. Т.*

Уши словно воском залепило на мгновение.
Паутина... Пальцев копошащихся движение.
Ноздри, губы выпячены – нет, опять прямые:
Включены и выключены... А, глухонемые!
Неужели с детства твердолобая, свинцовая
Глухота и речь потом предстанет голая,
Как в анатомичке? Перекошенные лица.
Что ж они не могут все никак наговориться?
Тишина густая в этом грохоте повисла,
Все, что за спиной, уже ни имени, ни смысла
Не имеет... И нет силы оглянуться.
Как они беззвучно содрогаются, смеются!
Не расколдовать... Настойчивые руки.
Мыслям, ничего не знающим о звуке,
Тесно. Возле глаз порхающие птицы –
Два десятка фраз. Все не наговориться...

* * *

Луны беловатый мазок на небе темнеющем. Важно
 Солнце заходит. Стихнул громоздкий вагон
 Пригородной электрички... Коричневый, желтый, бумажный
 Снег... И дома типовые. От тени девятиэтажной
 Сквозь солоноватые сумерки к нам подбирается сон.
 Как лучше сказать: «засыпаю», «вкушаю покой», «ощущаю усталость»?
 Слово к самым глазам поднесу – на просвет виден знак водяной,
 Бледный штампик эпохи... А все же немного осталось...
 (Этот мартовский лед, эта невосполнимая жалость!)
 Только рифмы придумать – подстрочник лежит предо мной.
 Почему-то не хочется счастья иного, чем эти закаты
 Сквозь стекло запыленное, чем возвращенье домой
 После долгой работы... Да!

В тамбуре курят солдаты,
 Слышен звон, гоготанье. Мужчина пройти по прямой
 Между лавок не может – на стрелках качает сильнее.
 Он спешит, извиняется, больно толкнув старика,
 Багровеет лицо, напрягается тонкая шея,
 И портфель задевает портфели, кошелки, бока.
 Если что-то и можно любить, то, наверно, беспомощность эту,
 Беззащитность... Если можно кого-то любить, то, наверно, только его.
 Впрочем, также и женщину ту, за окном, что стоит, прислонясь к парапету,
 По вагонам глазами скользит и подносит к губам сигарету.
 Впрочем, также и сам парапет... Но стихи беззащитней всего.

* * *

Не запомнить, качаясь на чутких качелях сна
(Взад-вперед – то проснешься, то снова нырнешь с головой), –
Где душа пребывала. Туманная пелена
Над холодной, прозрачной, спокойной лете́йской водой.
Словно в черную фотобумагу обернуты мысли во сне,
Развернешь на свету – и тотчас пропадет негатив.
Мозг разнеженно дремлет в своей костяной тишине,
Бугорками ворочает – темнолюбив, терпелив.
Тише! В домике с красными нитями крутят и крутят кино,
Корректируя жизнь по желанию, рвутся в игрушечный бой,
Наслаждение пьют беспрепятственно, будто вино,
Со своею любовью, успокаиваются – чужой.
Но когда опустеет малюсенький тот кинозал,
С губ последняя капля холодной воды упадет,
Я проснусь и забуду, какие я радости знал,
Что еще меня ждет.

НА МОГИЛЕ АННЕНСКОГО

Полюбил бы я зиму
Да обуза тяжка...
Анненский

Там был курчавый снег и порыжевший лед –
От черствого песка, и ангелы летали
Золоторожие над церковью. Народ
Толпился у дворца, как на вокзале.
Привратница отстаивала вход,
А мы могилу старую искали...
Никто не мог помочь. И взад-вперед
Снежинки ошалевшие сновали...

На кладбище Казанском мы едва
Нашли его под снегом. Да, обуза
Тяжелая... Что ж дальше? Все слова
Налипли... Снег... Пустеет голова...
Бескровна замерзающая Муза.
Я ждал, все ждал волненья и тоски,
Но чувства не было. Холодные тиски
Сжимали руку голую. Я даже
Надел перчатку. Пестрый вид могил
Как бы произвольно наводил
На мысль, почти безумную, о пляже:
Все та же скученность, все та же теснота.
И сон, как жизнь, и горечь, и тщета
Не затеряться в бессловесном прахе.
Смерть не приходит... Черная плита
В белесой леденеющей рубахе...

БАКУ

Я думал: «Как странно, что эта пустая земля
Еще плодоносит».
Над городом синий испуганный венчик огня,
Но ветер его не уносит.
В Тбилиси – картонные домики, а в Ереване – базальт,
Здесь – тихий песчаник,
Ракушки, ракушки – веснушчатый хрупкий асфальт.
День, как закипающий чайник,
А Девичья башня – рассыпчатой серой халвы
Душистая горка.
Милиционеры. Еще поворот головы –
И улица, улочка, норка.
А как заколышется воздух, то тухлых яиц
Доносится запах.
И множество странных, качающих клювами птиц
На ржавых негнущихся лапах.
Куда бы пойти? Но тяжелое море и зной,
А сзади – пустыня.
Стоишь перед надписью непроходимой, резной,
На высохшей глине.

* * *

Стоим на вершине холма. Поутихли туристы.
И впрямь дух захватит от этих просторов звенящих.
Луга заливные... Спокойны, сильны, мускулисты
Извивы реки и кустов непролазные чащи,
И все это до горизонта! Наш маленький выступ,
Задравшийся над стометровым обрывом, летящий...
Присесть на траву, чтобы чувствовать землю надежно,
А то так и тянет туда подойти, задержаться
На самом краю. Это просто невыносимо! Можно
С ума сойти. Не наглядеться, не налюбоваться!
Зеленое море, вечернего солнца приливы,
Холодные губы усталого ветра, немая
Природа, застывшая, ждущая самолюбиво.
Что делать мне с ней?.. Я слабею, я не понимаю.
Так переполняет, но словно бы есть омертвелый
Участок в душе – не хватает... Минуты тягучи.
Как будто я должен какое-то важное дело
Свершить, или слово найти, или кинуться с кручи.

ВЕРНУВШИСЬ НА РАБОТУ

Неправдоподобней всего то, что месяц назад уже знал,
Представлял, как войду в свою комнату, сяду за письменный стол.
Только тонкая пыль выдает, что я в отпуске был – отгулял,
В самом деле отсутствовал... Мягкий слепой ореол...
Что же это – рукой проведу – омертвевший, сухой конденсат
Отошедших недель? Пальцы в серых лохматых комках.
Солнце, радость движения, вянущий, пахнувший сад –
Тут? Да было ли, да не приснилось ли?! Недоумение, страх...
Я ведь знал, что так будет, я помню, как месяц назад,
Перед самым уходом, уже заперев все, присел,
Задержался, запнулся, последний рассеянный взгляд...
И теперь... Может, просто задумался, может, просто уйти не успел?
Пыль... Я папку достану. Да есть ли он, узкий просвет
Между завтрашним днем и сегодняшним, есть ли надежная связь
С настоящим? К столу от окна протянулся мерцающий след,
Легкий прах балансирует в воздухе, загустевая, клубясь...

ИЗ ЦИКЛА «РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ»

ОДИН

О. Ф.

Ну, присяду! Есть еще минута
 До начала дня, работы, до начала
 Планов. Трубчатое тело института
 Не задвигалось еще, не зазвучало.
 Дверь скрипит – разучивает гаммы.
 Окружают неодушевленные предметы:
 Батареи, жарко разогреты,
 Синих окон параллелограммы.
 Можно подержать пока все нити
 Будущего, легкие как будто,
 А войдет начальник – извините –
 Только бодро скажешь: «С добрым утром!»
 Но сейчас оно – как свернутое жало
 Серпантина или неживая
 Куколка, лежащая устало,
 Узкобедрых крыл не раскрывая.
 Пусто в коридорах учрежденья,
 Бродят сквозняки, течет из крана.
 Провисанье штор, оцепененье
 Жизни трудовой... Легко и странно.

АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ ФОМИЧЕВ

Господи, как же ужасно он мне надоел!
 Курит одну за другой. В комнате не продохнуть.
 Пачкает пепел рукав, как намокший раскрошенный мел.
 Дверь приоткрыть, чтоб хотя бы проветрить чуть-чуть.
 И ведь не спорить же с ним! Бесполезно... Не может... Когда
 Предупредили его на последнем осмотре врачи,
 Тихим полдня проходил, привыкая... Какая беда
 Ждет впереди? – «Ну, закурим, Алеха?!» Молчи...
 Низенький, стекла очков бронированных; то ли загар, то ли так
 Кожа уже продубилась. Но кажется: наверняка
 Завтра оставишь привычки опасные, жизнь переменишь, сквозняк
 Впустишь... Конечно же завтра! Поэтому можно пока...
 Что ж не сегодня? Дела, понимаешь ли, есть,
 Милой, любимой, проклятой работы предлог.
 Где тут опомниться! И соблазнительна честь
 Жертвы кому-то и всепокрывающий долг.

* * *

Сидя за микроскопом, от яркого света устав,
 Сдвинешь набухшие веки и чувствуешь тяжесть глазных
 Яблок. Слетаются слабые звуки слепые: гнусав
 Голос распахнутой двери, сквозняк освежающе тих.
 И переваливающих, неторопливых шагов
 Звук. (Угадал, это Кира Ивановна.) Вот
 Остановилась, обходит торчащую сеть проводов,
 Стул отодвинула... Сядет сейчас, ответит
 Справа рычаг у машинки, копирка... И та-та-та-та –
 Дробь гулких клавиш... А помню еще, как-то раз
 Слышал ее разговор с Фомичевым. Он глухо бурчал: «Ни черта
 Не получается...» – «Тише, пожалуйста, тише!.. Сейчас
 Лучше тогда отложи». И меня поразил ее тон...
 Что же, вечерних часов не хватает на дом, на детей?
 И материнский инстинкт, как простой механизм заведен,
 Даже и тут продолжает с мелодией хрупкой своей:
 «Тише, ну, глупенький, тише! Ну-ну, успокойся! Бай-бай!..»
 Я оглянусь посмотреть на сутулую спину, пиджак,
 Синюю, полуразмытую татуировку, под край
 Задранного рукава ускользящую, и подумаю: «Разве что так...»

ПО ВТОРНИКАМ У НАС НА СТАЖИРОВКЕ СТУДЕНТ ДИМА

Дверь откроет и войдет, сияющий,
 Рыжий, незатасканный, ершистый,
 Хорохорящийся, и повадка та еще,
 Подростковая: небрежно, быстро...
 Принц, студентик – однодневный труженик,
 Желтый одуванчик, венчик птичий.
 Сколько сил еще не обнаружено,
 Но подозревается в наличии.
 Легкий день – ну чем не развлечение
 Погостить у бабушки-науки:
 Карамельных лампочек свечение,
 Проводочки, в канифоли руки,
 Новый запах, терпкий и воинственный,
 Впечатлений гулкие качели...
 Все бы хорошо, да день единственный
 Взрослых развлечений на неделе.

АКВАРИУМ В МЕХАНИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

Черные кружевные рыбки за толстым стеклом,
 Словно во сне, совершают свой неторопливый полет,
 Тихо скользят над махровым, слегка затуманенным дном.

Вдруг повисают, разинув бескровный, беспомощный рот.
 В толще зеленой воды не спастись, не уйти никуда
 От загустевшего света – горячих, назойливых рук.
 Жидкие нити со дна, ослепительных стенок слюда,
 Невдалеке удлиненные, узкие тени подруг.
 От девяти до пяти в механической – грохот станков,
 От девяти до пяти повисают у всех на виду.
 Шум проникает сквозь стенки, касается их плавников –
 Так и живут, обмирая в стеклянном, слепающем пруду.
 Я иногда захожу сюда, чтобы оставить заказ.
 Неопишимо тягостно, трудно кого-то просить,
 Словно я в чем-то виновен. От круглых бессмысленных глаз
 Рыбьих неловко. И хочется свет погасить.

НАЧАЛЬНИК

Едва он входит, замолкает разговор
 О чем-то постороннем. Как укор,
 Молчание, нахлынувшее вдруг.
 О, кандидат технических наук,
 Руководитель группы, с. н. с.,
 Невольный страж, поставленный над всем!
 Увы, его терзает интерес
 К потоку общих, внеслужебных тем:
 О выставке, о том, что с января
 Подорожание, о двух путевках в Крым...
 Но доступ воспрещен ему. Не зря
 Мы так прилежно трудимся, молчим...
 Он постоит, не зная, что сказать,
 Метафизически закупорен в своей
 Печальной должности... Так, знаете, играть
 Не принимают замкнутых детей.

ПАЛ ПАЛЫЧ

А когда, заболев, он попал на Песочную, где
 Ему делали бронхоскопию, а потом операцию, я
 Вдруг заметил такую усталость во взгляде его, в бороде
 Седину проступившую... Мы, сослуживцы, друзья,
 Навестили его. Привезли апельсины и сок –
 Манго, кажется. Вместе сидели, неловко пытались развлечь...
 Помню жирные фикусы, бледный, как смерть, потолок,
 И больных в коридорах, и холод, касавшийся плеч.
 Впрочем, все это кончилось благополучно. Сейчас
 Он работает снова, своих подчиненных бранит
 Как-то автоматически. Складки застыли у глаз:
 Сядет так отстраненно, задумается, замолчит,
 Словно слушает странную музыку там, в глубине,
 Чей-то писк приглушенный, возню осторожную лап.
 Жизнь его обтекает настойчиво, блики снуют по волне.

А потом подступает испуг: почему устранился, ослаб?
 Спohватившись, твердит: «Сколько дел, сколько дел!» Не привык
 Жить вне общих надежд и не очень понятных хлопот.
 Что-то тихо бормочет, шевелятся губы, кадык...
 Поздороваюсь с ним – ничего не ответив, кивнет.

НАЧИНАЮ ЗАМЕЧАТЬ НЕЧТО СТРАННОЕ

Вчера заметил, что хожу по коридору
 Слегка прихрамывая (Игорь, кстати, тоже).
 Начальник наш, когда он был моложе,
 Слыл альпинистом, часто «лазил в гору»,
 Сорвался, ногу повредив...

Как странно...

Откуда обезьянничанье это?
 Или похожесть нам всегда желанна –
 Охранный признак, добрая примета:
 «Я свой?» Или от долгого общенья,
 От воздуха, которым вместе дышим,
 От тесноты мышьиной превращенья
 Случаются? И говорим, и пишем
 Похоже... О рассадник тихий, пыльный
 Привычек с трафаретными чертами!
 Никто не принуждает нас насильно
 Жить так, как все, – мы сами, сами, сами...

* * *

У Тамары Васильевны в комнате три хризантемы
 В узкой колбе стоят. И художественный календарь
 Над столом – с репродукцией желтой пейзажа Хоббема.
 И вполне представима здесь темно-вишневая шаль.
 Только вместо нее лаборантский халат. Для создання уюта
 Двух-трех мелких вещей оказалось достаточно. Пыль с установки стереть...
 Так вот мир обживаем, непрочный, кренящийся круто.
 Стебли хрупкой посуды химической, заиндевела медь
 Проводов... Ах, Тамара Васильевна, бледная ваша улыбка
 Так понятна... Привычка... Скупая покупка цветов
 По утрам. Хризантемы романские, горькие, льнущие зыбко,
 Словно кошка, к руке. Незаполненный сон вечеров.
 Что за дисциплинированная, покорная жизни повадка –
 Перелетная нежность, муравьиный азарт или труд?
 Губы ярко накрашены, платье прилизано гладко...
 Что еще уступить предлагают? На чем задержаться дают...

* * *

Есть мужество природное – принять,
 Жить общей жизнью, чуть подслеповатой:

Любить – терпеть – любить и не пенять,
Согреться под густой, тяжелой ватой –
Снов – слов – забот, восполненных опять.
Еще, к тому же, так приятно ждать
Усталых праздников, безумья отпускного,
Когда срываешься с пернатою толпой
На юг, на юг, не властвуя собой,
И черный берег вспыхивает снова...
Но страшно мне... Страшней, чем умереть,
Встать в очередь, нащупывая медь
В кармане, и смотреть на высохшие руки
Кассирши сгорбленной, боящейся простыть,
И знать, что надо с ней сейчас заговорить –
Соединиться в голосе и звуке.
Так же со следующей... Так же сотни раз
На дню, когда чужих упрямых глаз
Случайно встретишь взгляд... Мне холодно. Пугает
Мир, кем-то заготовленный для нас,
И мужества привычки не хватает.

ДЕВЯНОСТЫЕ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Посапывает, чуть хрипит в кроватке, за пеленкою –
Импровизированным пологом, от света закрывающим...
Сквозь сон, измотанный, глухой, с подкладкой тонкою,
Прислушиваешься к неясным звукам тающим.
Не мокрый ли? Что за необъяснимое волнение.
Скулящий полумрак живой так в сердце входит жалостно.
Двенадцать? – Да, уже... Последнее кормление. –
Заплачет если, разбуди меня, пожалуйста!
Все тени ночи, все пеленки высыхающие,
Все перепончатые крылья тьмы капроновой
Над головой на кухне. Нет, не та еще
Любовь моя – привычкой не затронута.
Я поднимусь. – Кричит. Как мне доверено
Такое маленькое тельце, ручки-варежки?!
Мне еще кажется порой, что это временно –
На месяц, на два... Тише, баю-баюшки.

* * *

С тобою, с тобою, с тобою, с тобой, милая,
Хотел бы пойти сегодня, с тобой, моя дорогая.
Разлука подспудная, ежедневная, малокровная, хилая.
Ухожу на работу, а кажется, что тебя покидаю.
Так полжизни пройдет – кожу иссушит ветер,
Двадцать, тридцать лет порознь, не замечая.
Ты смогла бы разом выдержать? – Ни за что на свете!
Что же держит? Слова вечерние, хлопоты, чашка чая?
Ах, Орфей!.. Не оглядываясь (ты, душа, за мною
Следуешь ли, следишь?), ухожу незряче
Каждый день... О, какие там за спиною
Громоздятся ужасы, лица пряча!..
Как неровен шаг, как твое дыханье
Слабо чувствую, как спешу по кругу!
Каждый день – провал, пустота, зиянье...
Глупые... а еще говорят, что можно надоесть друг другу.

* * *

Вегетативная, в чем-то бесполоя эта наука.
Выйдешь: скрываясь, лежат – ни движенья, ни звука –
Темно-зеленые, в колкой щетинистой шубке,
Увальни-огурцы, присосавшись к резиновой трубке
Стебля. Ах да, в полутьме, в полутьме под листьями
Ясли зеленые. Спите, бай-бай, за часами
Солнце следит, полукругом обходит, зевая,
Сытые сны огуречного влажного рая.
«Ух, – говорит мой ребенок и пальчиком водит, –
Колются...» Дух неживой от земли в огороде.
Пряные травы. Растерянный взгляд одинокий,
Словно купальщиц увидел сквозь стебли осоки.

* * *

Весь горячий, горячий!
Я пугаюсь, дотрагиваюсь до ребенка сквозь сон,
Лоб губами ищу – не иначе
Просквозило. Просил же: «Не надо, чтоб бегал без маечки он!»
Ночью вздохи за окнами, ропот, качание крон...
Ведь совсем еще маленький... Ближе!..
Нет, ошибся. И дышит спокойно. Волнение меня подвело,
Словно птицу вспугнуло... Не вижу... темно как! Не вижу...
Где-то возле плеча прижимающееся живое тепло.
Полувздох, полувсхлип... Только плачет,
А сказать не умеет еще ни про страх, ни про боль...
Жизнь мерцающая, ночь, уставившаяся незряче
Мне в глаза неподвижно. Смотреть так и будем? – Изволь!
Речь придет, и поднимутся всходы
Слов тяжелых, мужая. – Увидишь. Во тьме холодок на губах.
Только не научиться за все эти, все эти годы –
В горле ком – ни про боль, ни про муку свою, ни про страх...

* * *

Молодой и мрачный, с поднятым воротником, с глазами выпуклыми,
 чуть ли не фасеточными...
 Поминутно курит... Пухлогубые, обиженные, детские слова:
 «Ни во что не верю... На безрыбьи и рак, конечно, рыба...» (это про культуру).
 Плечиками пожимает опереточными,
 И подергивается в азарте гордом преждевременно лысеющая голова.

Ах ты деточка, жучок жужжащий! Ну... поэт, конечно? – Угадал же ведь?
 И наверное, при этом сторож, кочегар котельной, дворник? –
 Дворник, так и есть!

Вот кому, оказывается, судьба должна одалживать
 Под залог души его разочарованной. И взгляда не отвести.

О, хитиновое, черное, ночное трепыхание,
 Бесталанное топтание, как будто мотылек томится за стеклом.
 Ну, стихи сейчас начнет читать... верлибры полые... Известно все заранее,
 Только не известно, что же со словами делать, обреченными на слом?

Вечером зажгу фонарик, выходя в заросший сад свой; гипнотически
 Конус света по кустам, врасплох застигнутым, скользит.
 В небе звезды неправдоподобно выпуклые, яркие, сферические.
 Неужели их никто не слушает, никто ни с кем уже не говорит?

И поймав жука такого лакового, черного, блестящего,
 Мрачного – все усиками длинными поводит недовольно, зло, –
 Удивленно и взволнованно смотрю, разглядываю, как ненастоящего.
 Странно, мне-то почему так сказочно, так дивно повезло?

* * *

Как улыбочка то гаснет молодая, чуть смущенная, то снова разгорается!
Ах, рисуют возле Думы, на глазах у всех рисуют... Как он держится, старается
Не ударить в грязь лицом двадцатилетним, свежевывбритым, ухоженным.
Сколько милой, непосредственной любви к себе!

– Что тут плохого, что плохого, что хорошего?

Мальчик, мальчик, юность ли розовогрудой чайкой в небо бросится?
Или же любовь, любовь так горячо на губы просится?
Карандаш сухой не выследит, прохожий не оглянется...
Только летними ночами над Невою небо разрумянится.
Только летними ночами над Невою две недели мотыльковые, дрожащие.
Спят в обнимку, спят в обнимку тени или снятся сны ненастоящие.
Никому, о, никому не дастся, никому, собою зачарованный,
Молодой, как тот – с пастушьей сумкой, с флейтой, –
соблазненным богом уворованный...

* * *

В гости собираясь, бреясь, галстук скользкий
Выбирая, щеточкой вельветовый костюм
Чистя (залипает пыль в шершавые бороздки),
Бодрое волнение ощущаешь, легкий шум
В голове, как после несерьезного, сухого
Белого вина. Ласкает, холодит
Свежая рубашка. Из-под снежного покрова
Кто в слепое зеркало глядит?!
И всего-то кремом освежающим намазан,
Вымыт, выбрит, выглажен, одет...
Так ли, наливая воду, ставят в вазу,
Стебель надрезая, пышный цвет?
И когда несут его над комнатой покатою,
Поднимают в самый верхний ряд,
Он, наверно, голову теряет: жутковато,
Весело, и холодом объят.
Легким, изумленным, как фарфоровая дива,
Хрупким – так и выронишь из рук –
Ухожу. Поскрипывают туфли торопливо,
Ломкие движенья, зябкий звук...

МУЗЕЙ АХМАТОВОЙ В ПТУ ЗАВОДА ИМЕНИ ЖДАНОВА

Жизнь чужая обступала тяжело и безотчетно:
Пятна серых фотографий вдоль стены, наискосок.
Ни просвета, ни желанья... Стенды, пригнанные плотно.
Узнавал лишь очертанья задыхающихся строк
На витрине: «Сладок запах синих виноградин. Дразнит...»
Дальше! Ждешь наплывов смутных: «...опьяняющая даль».
Вот он, любящих, минутных слов подслеповатый праздник.
И томишься. «Никого мне, никого не жаль...»
Так ли тонкий звук свирели, если дунешь, будет литься,
Если выпуклые губы ошутит горячий срез?
Мы за два часа успели все ее увидеть лица,
Как бы пролистнув страницы, утолить свой интерес.
Только хрупкая, сквозная, на виду у всех лежала
Дудочка, и жутковато задирался острый край.
Словно бы припоминая, пальцы потянулись вяло,
Нерешительно, не зная, для чего она... Отдай!..

* * *

Словно речь нам наизнанку вывернули, показали, как она струится
Там, в мозгу, какими черными ходами
Растекается, о выступы дробится...
Слушал выступление художника на обсуждение выставки. Сконфуженные лица...
Как он запинался замечательно, топтался, колоритно разводил руками!
Это тоже, видимо, природный дар – косноязычие. Не знаю.
Рыжей белкой мысль летает меж сухих ветвей, все выше, выше.
Потерял из виду... нет, опять. Ах вот она какая:
Подняла головку, смотрит сверху вниз, густым хвостом колыхает.
Странно, но чем сбивчивей, чем непонятнее, тем, может быть, нам ближе
Речь – зверек пугливый, ручеек, поток подземный, глуховатый.
И поэты все косноязычны. Лишь в газетных строках пассажи
Гладких голых слов нас давят, но вы знаете, они не виноваты...
А художник все пытается, несчастный, заострить внимание наше.
Но куда там! Эти паузы, сплошные отступленья, повороты.
Бедный, бедный! Сам не знает, что в его поклаже:
Сколько диковатой радости, обиды, безотчетной, безответственной свободы!

ВЛАДИМИР И ВЕРОНИКА

Краб в руке и палка – как нелепы атрибуты
Бестолковой этой, неестественной, больной,
Краденой любви... Светает. Поздние минуты.
Волосы ерошить, гладить тело. – «Что, родной?»
Никому не ясно, почему так солнце липнет
К черному песку. Ленивый воздух разогрет.
Долгожданной ночью день сегодняшний погибнет.
Я смотрю, как волны тихо слизывают след.
Неужели мало пены ласковой прибоя,
Шелеста песка нерассуждающего? Крюк
Якоря вонзается в послушное, живое
Дно. Не отпустить, не пересилить нежных рук.
Что осталось ждать нам от безмолвного заката?
Тусклой душной ночью все равны и горячи.
Жаркое бессилье... Жизнь... О, ты не виновата!
Ты не виновата, только сжался, облегчи...

ОЛИМПИАДА ДЛЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ

Гость случайный, ангел залетевший, чайкою прозрачной
Со скалы взмывает прямо ввысь.
Лыжник в ярком небе, в ярком воздухе, охваченный
Струями эфира охлаждающего... Очнись!
Нет, я о другом – о существе с пластиной матовой,
Фильтром дымчатым в мозгу. Глаза, глаза
Дауна! Застывшие, чернее сна, зрачки продолговатые,
Плоское лицо. Но все ведет, зовет лыжня, припудренная снегом полоса.
Где ты, ангел мой?! Не совладать с собою. В мгле густеющей
Тонет разум, тонет. Только след искрящийся вдали.
Кто к душе беспомощной прильнет, померкшей, тлеющей?
Падает, в слезах пытается подняться, оторваться от земли.
А для страха, боли, радости – теней скользящих, пристальных –
Нет преград. Свободные, приходят в дом ночной.
Видишь, ждут тебя и любят, ждут и любят, обнимают. Выстой!
Выстой, забытый Богом, сумрачный, несчастный ангел мой!

ВЫСТАВКА ТВОРЧЕСТВА ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

1

Мне на этой выставке запомнилась одна такая
 Рыбка голубая,
 Рыбка, у которой нет ни рук, ни ног,
 Яркая... И подпись: «То жена моя родная!»
 Из какого мрака душу вывел психолог?
 Богу, у которого и шапочка крылата,
 Должен быть по вкусу кисти взмах.
 Кем бы ни был ты, судьба не виновата,
 Просигналь мне о других мирах.
 И оттуда, если нам уже с тобою не соединиться,
 Не совпасть, хотя бы передай
 Узкую полоску ткани, краску, залепившую границы,
 Линию, скользящую за край.

2

Рай такой бутылочный, вытянутый, влажный,
 Вакуолей тянутся прозрачные ростки...
 Ты оттуда, ты оттуда, собеседник мой бумажный,
 Сумасшедший рисовальщик, разжимающий тиски?
 Впрочем, может быть, и из того – второго
 Мира, что терновым пламенем на лист
 Рядом лег, горячечным видением больного...
 Я не знаю, я не знаю: это голос, или птичий щебет, или свист?
 Так ночами астеническими подсыхающие блески
 Звезд нащупывает тихий астроном,
 Так слепой ведет рукой прозревшей по бороздке
 Брайлевой печати, так слабеют перед сном.
 Что смущаться, что мечтать, когда тоской инопланетной,
 Но (как странно!) для тебя отчетливой, родной,
 Зазвучит со стен безумный этот лепет безответный,
 Неотчетливо волнуя узнаванья радостью, виной.

3

Вот и подписи: «Больной шизофренией К.»
 Так классифицируют кометы или звезды.
 Кучевые, перистые... выше всех – не помню – серебристые как будто облака;
 Ласточки живут в песчаных норках, иволги развешивают гнезда.
 Что мучительней всего, так это сны,
 Соблазнительней, обманнее и злее.
 Все желанья осуществлены –
 И нет вины:
 «Если хочешь, если хочешь, буду я твоею...»
 А при ярком свете лишь рисунок на стене.

Пусть гадают, кто безумнее, бесстыдней.
Я хочу, хочу – так что же делать мне
С этой жизнью, с этой шамкающей стервой, с этой злыдней!
Испугалась речь себя самой... Ни с кем, ни с кем
Гнездышко свое висячее не разделю – и слава богу!
Глупое занятье – рисованье это... я забыл совсем...
Помните, как сказано там: «Выхожу один я на дорогу».

ПАМЯТНИК

В Комарове от траурной, черной хвои
Одинокие мысли и даже шаги не твои
По размокшему рыхлому следу
Тяжеленных, песок пропахавших колес.
Лес фанерными дачами густо зарос,
Оживающими только к лету.
И не надо всемирно известных могил...
Вот направо – смотри: золотушную бронзой облил
Кто-то гипсовые манекены.
Низко каска надвинута. Как ты суров,
Похороненный в общей могиле, Петров,
Исполняющий долг свой военный.
В январе даже жук под древесной корой
Промерзает насквозь и лежит, притаясь, неживой
До весеннего первого зова.
Но тебя только темные ели зовут,
И бумажные маки находят приют
У широкой ступни часового.
Это правда: в стране, где никто не забыт,
Лишь таким-то и может быть сумрачно-жалобным вид
У геройства и славы.
Не хотят все никак, проводив, отпустить:
Ты не умер, ты должен как будто бы жить,
Знаменосец усталый.

ХРОНИКА

Редко-редко теперь на экране мелькнет...
Щек свисающих складки и брови вразлет,
Кумачового, бравого съезда главарь
С пневматической челюстью, вставленной в рот,
На трибуну возложенный, как на алтарь,
Агнец, ленинец верный, податель щедрот.
Мы бросаем дела все, идем посмотреть,
Как там шамкает, чавкает целая треть
Нашей жизни, оплывшие звезды бренчат,
И руками сидящие в зале сучат.
Дорогой, крепкостенный, уютный дурдом!
Словно в щелочку мы заглянули тайком:
Нагота-то какая, уродец какой! –
Дремлет старый, обрюзгший, напившийся Ной...
Тише, тише! Давайте пройдем стороной!
Эти годы – как грубый, тяжелый ковчег,
Герметичный отсек, водолазный костюм.
Только голубь слетает на блещущий снег
Арагатской горы, только времени шум...
Ты качайся, душа, в колыбели морской,
В ненадежной скорлупке своей замирай!
Об одном умоляю, останься живой
И не слушай пространства истошного вой,
Переваливающегося через край.

В ТЕНИ

НА СКОРОЙ

Это смутное скольжение по городу ночному,
 Стекла матовые, разговор шофера с санитаром глуховатый.
 Пусть везут куда угодно. Натерпевшееся тело невесомо –
 Так легко на повороте отклоняется, послушно, виновато.
 И теперь уже все, что со мною, как бы не со мной, как бы помимо.
 Перепоручил себя какому-то неясному спасительному богу
 В образе того взлохмаченного санитаря, что ли? Еле уловимо
 Сходство, но, оказывается, способно усыпить мою тревогу.
 И пока в висках стучит, карабкается вверх температура,
 Безучастно смотришь на нелепую, приклеенную криво
 Репродукцию картины Рубенса: Гермеса плутоватого фигура,
 Ждет спасителя, доверчиво мыча, корова Ио.
 Намекают, видно. Жизнь никак не может от деталей
 Посторонних, путающих весь порядок действия, избавиться.

Куда ей до Корнеля!

Там бы уж, конечно, позаботились, непредусмотренное вовремя убрали,
 Чтоб сидеть нам тихо и торжественно, от леденеющего ужаса хмелея.

НОЧНАЯ ПАЛАТА

Мотыльком на стене, слегка дрожащим,
 Свет от лампочки шестидесятиваттной.
 Хриплый воздух. Тише!.. С этим настоящим
 Мне никак не слиться: с чередой невнятной
 Снов, когда у дальней койки среди ночи
 С придыханьем разговор ведется непослушный.
 Темная спина маячит. «Дать воды?..» – Не хочет...
 На губах горячих привкус сладкий, душный.
 А когда, как птица, боль над головою
 Зависает потолка навязчивей, блее,
 Ждешь с тревогой... Тело, тело, что с тобою?
 Тягостно лежать, и жар от батареи...
 Что с тобой?! Кровать отяжелевшую окину:
 Простыня свисает. Страшно и смешно, и неправдоподобно,
 Что уже не можешь повернуться на бок, расправляя спину,
 Так, как прежде, руку положив под голову свободно.

КАПЕЛЬНИЦА

Что за отросток рыжий, резиновый из руки?!
 Вегетативной, растительной силой объят...
 В банке всплывают, шарахаясь, скользкие пузырьки,
 Кровь прибывает, под веками гаснет взгляд.

Только лежать остается. О, как безнадежен вид
 Старого человека с разросшейся сетью жил!
 Я бы не вынес, наверно. А он что? – Забылся, спит?
 Ночью все рвался куда-то, бессвязно о чем-то просил.
 Да... А теперь в забытьи, слава богу, не видит своей
 Новой, чудовищной плоти. К концу пуповина опять
 С жизнью нас связывает. Ну помедли, продли, не жалей
 Лишнего дня! Как легко надавить, пережать!
 С тоненькой трубочкой – жилкой пульсирующей (не задень!)
 Старый младенец... Невольно заглядываешь по пути
 К двери в лицо посеревшее, ловишь холодную тень.
 Страшно? Не знаю... Но взгляд не могу отвести.

* * *

«Пусть сквозит! Ну хорошо, я свитер натяну. Нет, нет, не надо
 Пуговицу на воротничке застегивать. Сама не простудись:
смотри, совсем остыли батареи».
 Господи! На целый час мы вместе. Губы холодит оставшаяся
после поцелуя долгожданного помада.
 Встанем у окна. Свободно. Редкие больные в галерее.
 «Ты тут как?..» Вопросы жалобного тихое скольжение.
 От дыханья нежная испарина на треснувшем стекле, и я невольно
 Пальцем провожу: «Все хорошо, ты не волнуйся...»
«Ну а настроенье,
 Ничего?..» В лицо мне смотрит долго-долго, как-то неестественно спокойно.
 Если бы сейчас не эти стены облупившиеся, этот кафель ломкий,
 Этот свет мерцающий и тени, льнущие угрюмо, настороженно друг к другу,
 Не нацеловались бы. А так смущение какое-то безвольное, нелепые постромки
 Слов случайных. Словно ждешь чего-то, держишь бережно в своей ладони руку.
 И когда затихли вдруг бубнящие, слепые, неразборчивые звуки в коридоре,
 Сразу не заметили тележку шаткую, задернутую грязной простынею.
 Обернувшись, вслед смотрели с ужасом и непонятной жадностью во взоре...
 «Нет, тут слишком холодно, уйдем, пожалуйста...»
Непроизвольно плечи шалью, мне протянутой, укрою.

* * *

Жарче роз благоуханье,
 Громче голос стрекозы.
Тютчев

Медсестричка по коридору, как стрекоза, промелькнет,
 Локти расставив. Розовый юбки край
 Из-под белого виден халата.
 Притормозив, наблюдаю решительный этот полет.
 Тише, ты, не испугай!
 Только рядом с водою прохлада
 В полдень. Палящее солнце поднять головы не дает.

Помню, я помню скользкие тени их,
 Ярко-зеленые, синие над прудом.
 Лежа в траве, мог следить за неровным полетом часами.
 Как обостряются звуки! Лишь бережный ветер утих,
 Ближе горячее пение, круче размашистый штрих.
 Воздух, пронизанный крыльями и голосами,
 Пьешь, наслаждаясь, почти обжигаясь, с трудом.
 Детство? – Не знаю. Скорее уменьше глазеть
 По сторонам, снова здесь вдруг
 Приобретенное, в этих пустых коридорах, сверкающих кафелем броско.
 Жизнь ли, сжимаясь, обводит свой тесный, свой пристальный круг,
 Или дыханье торопится, или сбивается звук,
 Словно боясь не успеть...
 Ну, лети же – смелее, стрекозка!

НА ОПЕРАЦИЮ

В коридоре шаги... За тобой?!
 Белый-белый, как саван, холодный, как снег голубой,
 Простыни, на каталку наброшенной, гладкий свисающий край.
 И стучится непрошенно, гулко в мозг: «Так и знай!
 Так и знай! Так и знай!..» – Пересохшие губы, о чем?
 Полотно, прилипая, сливается с голым плечом.
 О, откуда покорность такая, бесчувственность, анабиоз?
 Только холод в крови – до ногтей, до корней, до волос.
 А когда повезут, поплывет, поплывет потолок,
 Свет от бледных плафонов – в один золотистый поток.
 Лишь колеса гремят, отмеряя невидимый путь,
 И сияющий лифт... Ты расскажешь потом? – Не забудь.
 Но как выбраться мне по глухим переходам назад?
 Нет, не ласковый сон, а таинственный темный обряд.
 Встать не сможешь, себя не узнаешь. Все ближе, смелей
 Смутный хор голосов, колыхание черных огней.

* * *

У него рак, но ему ничего не сказали об этом.
 Есть термин «неоперабелен»... Сон,
 Наркотиком вызванный, с тихим приветом
 Приходит. Морфей или морфий. Имен
 Не знает таких. Только приступы боли...
 Как радовался: «Врач сказал, что под нож
 Не надо ложиться... Теперь-то на воле!..
 Лекарство рассасывающее...» Что ж!..
 Бессилье, бессилье... Какую угрозу
 Не чувствует! «Да, санаторий раз в год...»
 Дней пять еще тут помурывают, глюкозу
 Поколят «рассасывающую». Вот

И сумерки. Выписан, выключен, вынут,
 Точнее, помечен незримой чертой.
 Как скоро растущие боли раздвинут
 Пределы его осознания! Пстой,
 И мука цветком кровеносным граната
 В бреду через призмы померкших орбит
 Подступит, распустится пышно, кудлато,
 Последним дыханьем своим опалит.

* * *

А пришедший к нему сын был высок, высок
 И красив. Тихонечко присел на край кровати.
 Полчаса, не больше, тлел беседы уголек,
 Полусонной, боли начинались так некстати.
 И согнув колени, весь стянувшись к животу,
 Он смотрел устало и почти с недоумением
 На испуганного сына, словно каждую черту
 Узнавал свою... «Пстой, давай заменим
 Хоть подушку. Посмотри, как низко ты лежишь.
 Дай поправлю!..» Это молодой не выдержал молчанья.
 Что еще? Не знаю... не поддержишь, не продлишь...
 На прощанье голосом нетвердым: «До свиданья...»
 Белый-белый, белый гипнотический халат
 У врача. – Притягивает. Смотрят, ждут чего-то:
 Я ни в чем, ни в чем, ни в чем не виноват! –
 Умоляющая жалоба фагота.
 Если б можно было ничего не отвечать
 И не лгать, как музыка в призыве и печали!..
 Далеко уходит звук, слепая гладь,
 Белизна – такую ли сулили, обещали?..

* * *

Очень смешно! Мой сосед по палате, старик, когда нас попросили раздеться
 Для флюорографии, совершенно серьезно спросил: «А очки-то снимать?»
 Если не застывают от боли, не спят, то, поверьте мне, некуда деться
 От губастого душного смеха. Общительным здесь – благодать.
 Ну а кроме того, очень часто случается, чем ненормальнее, ближе
 Новый, слабый еще, неосвоенный, издали дразнящий страх,
 Тем труднее поверить, что это с тобою, с тобой, понимаете! Вижу,
 Наклонясь, пятна крови. Прилипший смешок на губах.
 И бывает еще что-то вроде истерики... Тут у нас рядом в палате
 Этой ночью скончался мужчина. Оказывается, что их
 В морг не сразу увозят. Вхожу. Громыхают от хохота. «Хватит! –
 Чей-то голос срывающийся. – Напугаешь покойничка, псих».

* * *

Ожили голубчики! Еще два дня назад
 На кровати разве что не замертво лежали.
 А теперь беззубо ухмыляются, бубнят.
 Я уж и не знаю, останятся ль? Едва ли.
 «Что, Петрович, а неплохо бы сейчас по кружечке пивка?»
 «И не говори! А мне велели коньячку принять для хе... хемаглабину».
 «Хо, да где теперь достанешь-то! Скапутишься, пока
 Очереди эти отстоишь... Тебе не ломит спину
 К вечеру?» Все знаю, все: и сколько в драгоценных почках у того
 Камешков, и сколько позади инфарктов у другого.
 Старость? – Это старость? Неужели не осталось ничего,
 Ничего – ни страшного, ни дорогого?
 И стократ осмысленней ночной горячий стон
 Шепелявых слов, ухмылок – разума свидетельств жутковатых.
 А пока лежали неподвижно (только ледяные сны со всех сторон),
 Было жалко их, притихших, потерявшихся во тьме, невиноватых.

* * *

В темноте, в палате, сон оцепенелый,
 Рыхлая, скудеющая плоть.
 Тело? Разве это человеческое тело?
 Ужас, ужас мне не побороть.
 А когда отделится душа, она какая
 Будет – как туман береговой?
 Лучше бы уж корочка загара золотая,
 Полнокровный, солнечный покой.
 Нет, не там, не там, а здесь – в телесной оболочке –
 Весь мой путь и всех желаний круг.
 В мае набухают фиолетовые почки
 Тополей, тревожит каждый звук.
 Телом обладать неуловимо-легким, звонким;
 Влажная, речная сила, стать.
 Кем себе ты снишься? – Заигравшимся ребенком?
 Взгляда от мерцающей воды не оторвать.
 Только к молодому смерть как равная приходит –
 По сквозному дымному лучу.
 В темноте, в дряхлеющей дремоте, несвободе
 Ждать и задыхаться не хочу.

* * *

Это сейчас мне жутко представить себя через сорок лет,
 А семидесятипятилетнему незачем представлять,
 Да и пугаться особенно нечего. Где он, мелькнувший след

Прошлого? До него ли тут! – Выспаться бы, принять
 Вовремя от давленья таблетки. Над чашей змей
 Выгнулся – искуститель. Но ведь болит, болит!
 Что притягательней может быть, мужественней, страшной
 Этих трудов бесполезных? – Дряхлой надежды вид?
 И ничего как будто не замечает плоть.
 Ей изнутри, несчастной, не угадать потерь.
 Только бы незаметно штопать, латать, колоть.
 Тающая иголка входит под кожу. – Верь!
 В сущности, не со смертью тяжба. Таких хлопот
 Лишь у нее, у жизни, вдосталь. Не одолеть?
 Кто же тогда заступится, кто на себя возьмет
 Сумрачную заботу, тихо распустит сеть?..

* * *

Ничем не пугает: ни легкой повязкой ночной,
 Ни сладковатым дыханьем, ни холодом треснувших губ,
 Ни медленно, словно цветок, распускающейся тишиной,
 Ни даже угрюмой заботой о тех, кто ей дорог и люб.
 С цветущих лугов не уходит слепая вода,
 И нити травы, извиваясь, полощутся в ней.
 Прислушиваешься – ни звука, сощуришь глаза – ни следа.
 Лишь запахи, вязкие запахи неодолимей, сильней.
 У вечной весны нет причин ни о чем вспоминать,
 У свежих стеблей нет предлога грустить ни о ком.
 Не знаю вас, тени беспечные. Кто вы? Хочу опознать,
 Кем встречен, обласкан, с улыбкою дальше влеком.
 Но круг распадается молча. Как крылья стрекоз,
 Глаза их лукаво-прозрачны; и детские губы нежны.
 Ах, только душа отвечает вопросом немым на вопрос,
 И сердце гнетут по ночам незаметно тяжелые сны.
 Ничем не пугает... Но знаешь, мне вспомнился тот
 Старик и жена его. Перед уходом они
 Зашли попрощаться. Я долго следил, как ведет
 Она его под руку бережно... Все уже, скрылись в тени.

* * *

Но дом ее уж пуст и гол стоит.
Тютчев

И тени за ним не придут проводить,
 Грустя и ласкаясь, до черных ворот.
 И некому в руки слепые вложить
 Зеленую ветку и в сохнувший рот –
 Монету прохладную. И восковой
 Светляк не затеплит огонь в головах.
 И к сводам не ринется голос живой,
 Тесня зачарованный пением страх,

И, бедные, слов не сумеют найти
Родные, надежду подать или знак:
«Утешься, ну-ну, ты в начале пути.
Мы следом. Не бойся, ступая во мрак!
Не бойся!..» Но что это, черная ткань
Отдернута, смят шелестящий покров.
«Ты слышишь, там встретимся мы...» – Перестань!
Их нет больше, жарких тоскующих слов.
Лишь руку держать до конца, все сильнее
Сжимать, наклоняться, движение губ
Ловить. Ну, давай, обопрись, не жалеи! –
Последний, едва различимый уступ.

* * *

Красная сегодня луна такая...
Разлюбить – как будто убить чуть-чуть.
Когда жить нельзя, остается писать – я знаю.
Остается смотреть на воду; обжегшись, на пальцы дуть.
Два листа, прилегая всем телом, всей кожей,
Все равно не станут листом одним,
Потому что ветер ночной тревожит
Крону клена, дом, облака над ним,
Потому что тонкого капилляра
Не хватает крови, чтоб добежать
До другого мира, чужого дара...
Уходи! Возвращайся ко мне опять!

* * *

Невыразимо скучное счастье двоих,
Увиденное со стороны.
Ворохи листьев. Ветер октябрьский стих.
Ты как будто за день сделался стариком – в метинах седины.
Эти, идущие впереди, конечно ничем не затронуты, не смущены.
Нет, не любовь... Остановленность стылых дней;
Город, в парк проникающий подрагиваньем колес
Трамваев. Мне все равно... Закутаться поплотней...
Видишь, смешок к губам ее полусомкнутым мертвенно так прирос!
В общем-то весь механизм влюбленности, слепоты, отстраненности обнажен:
Нежные взгляд и слово безропотно входят в паз,
Зубчик к зубчику – пальцы. А я-то как глуп, смешон:
Смотрю – часовщик-свидетель, – сквозь линзочку круглый глаз
Наставив. Пружина вяло витки свои разведет.
Вращается вертолетик кленового гребешка,
С лепешкою семечка. Выше твоих щедрот,
Любовь, цепенеющее понимание – рядом, за два шажка.

* * *

Кипарис над самым обрывом завис...
Хорошо зимою, и воздух свеж.
Из-за темных туй, как из-за кулис,
Показалось море с огнями меж
Двух границ, одна из которых там,
В гладкой эмалированной пустоте,
А другая – здесь... По морям, по волнам,
По следам твоим – я не знаю, где...
Где тебя искать, у кого спросить?
Брызги бисером мечет море на волнолом.
Нанизать бы все свои дни на нить:
Тут – любил, тут мы были с тобой вдвоем,
Тут мохнатую веточку оторвал –
Долго мям пахучих иголок прядь,
Отводил глаза, ничего не ждал,
Тут – напрасно пытался тебя обнять.

ВЕНЕЦИЯ

1

Все равно о чем писать придется:
 Например, Венеция, в которой
 Я ни разу не бывал. – Как блещет солнце
 Над водою и гондол носатых сворой!
 Это Гварди, это Гварди, это Гварди:
 Все в плащах, как птицы, кавалеры,
 На шарнирах в кукольном азарте
 Кланяются – синий, красный, серый.
 Это дамы – облачком белила.
 Затрепещет бронзовая птичка!
 Нино Рота... Боже, соблазнила
 Музыка твоя, твоя певичка!
 И кресты Сан-Марко, как игрушки,
 Как снежинки вафельной салфетки,
 Золотые блики, блески, стружки,
 Лев крылатый, свет в ажурной клетке...

2

Или страницы так шелестят, или лунные блики множатся – где уж
 Их сосчитать на выпуклой линзе воды ночной!
 Марк ли Святой, мрак ли звездный, мальчик ли (имени не разобрать –
 Тодзю, Тадеуш?)...

Плащиком заслонись от улыбочки карнавальной, чумной.
 Это маски носатые белые клювы свои заострили.
 Хоть все небо по черной лагуне скользя проплыви!
 Ночи, ночи мои, итальянские, юные – вы ли?
 Молодеешь, немеешь, шалеешь от новой любви.
 Лиц не видно, затем что зигзаги, как черные рыбы,
 За кормою ползут... Чем опаснее – тем веселей.
 Прихотливы души и каналов слепые изгибы.
 Доплывем? – Я не знаю... неважно... себя не жалею.
 Но зато уж когда заволнуются трубы ликуя,
 Запылает огонь и царица из сомкнутых вод
 Подниматься начнет, жду (дождусь ли?) признания – нет, поцелуя.
 Тяжелее дыхание, глуше – я чувствую. – Вот!

3

Небо бирюзовое над лагуной.
 Многовесельной галерой – арфой многострунной,
 Кистеперой рыбой золотой –
 Завороженный, прохожий люд толпится...
 Это мне Венеция все снится:
 Отблеск, блик на башенке крутой.
 Бреют воздух бритвочкой гондолы,

В дворике висит слепой фонарь.
 Дай накину плащик твой лиловый,
 Кавалер мой, сударь, государь!
 Далеко до Рима и до папы.
 Мавританский, варварский почти
 Город. Лев протягивает лапы,
 Крылья расправляет – ну, лети –
 Бабочкой, глазастым махаоном!
 Этих стекол ярких и зеркал –
 По соборам, окнам, по балконам,
 По каналам – сколько насчитал?
 Так, что даже не пошевелиться,
 Осторожней трогай – не разбей!
 Спи, морская, хрупкая столица,
 В известковой ракушке своей.

4

Лагуна, влажная духота, сталагмитовое болото.
 Морони, Джованни Беллини, Лоренцо Лотто...
 И смерть в этом мареве сладкую примет кто-то...
 Не в Риме примет, а здесь, где хвощи, побегги
 Колонн. Цепенеет небо при редком снеге...
 Не только жизнь, но и смерть расчерчена на отсеки.
 И прячут, прячут здесь не куда попало:
 Тут остров есть за стеною, горящей ало.
 Не люди несли – а ладья, и волна качала.
 Испуг мой, любви ментоловая таблетка.
 Туда не смотри! Это в губы целует едко
 Морской ветерок молодой, вот – соленая метка.
 А солнце как тяжело! – что бронзовые запястья.
 Ровней опускай весло, разматывай парус, снасти,
 Пой, траурное крыло, о гибели мне, о счастье.

5

Не Флоренция цветочно-черепичная,
 А гнездо морской, розовогрудой, хищной чайки.
 Жизни, смерти область пограничная?
 Расскажи мне все об этой влажной страсти без утайки.
 Слизью, потом исходящее чудовище прекрасное,
 Монстр, моллюск гигантский Средиземноморья.
 Ах, увидеть бы тебя – почти мечта напрасная,
 Заразиться не холерой – нет, а детской нежной корью
 Обмирающей влюбленности – с прививками
 Вы пока, пока повремените!
 Так смотрю по телевизору урывками
 На каналов гибких шелковые нити.
 Здесь лазоревые пятна на картинах сами
 Проступать должны и руки с дрожью к золоту тянуться.

Плавай, плавай, красота подслеповатая, веками
 В илистом бульоне, в этом хрупком чайном блюде.
 Кукушонка высидела, выкормила чайка Амфитрита,
 Позавидуем двоякодышащей его природе
 И амбивалентной легкости, с которой morte, vita
 Произносит, не печалься и не радуйся своей непредусмотренной свободе.

6

На смерть, на смерть держи равнение
 Поэт и всадник бедный
Введенский

Потому что не суша, не твердь, не стихия морская,
 Здесь равнение на смерть держат строки, тебя отвлекая
 От того, что хотел бы запомнить, назвать: от сияния рая.
 Тут – лагуна, у нас – дельта рек, напитавшихся влагой.
 Бог, конечно, не спас, только хмурый архангел навагой
 В омут серого неба ныряет с последней отвагой.
 Подожди, подожди, быстроходный кораблик хрустальный,
 Есть земля впереди, там нас встретят на пристани дальней.
 Лев крылатый да парусник, твердь бороздящий, опальный...
 Не пойму я, где верх и где низ, чем дышать я не знаю.
 Это сон ли, каприз, жизнь ли, ужас, придвинутый к краю?
 Над душою завис – и смотрю на себя и теряю.
 Если почва – с водой, если воздух – с огнем, если слитно
 Все, не мучься, стой! Изливается свет ненасытно
 Надо мной и тобой. Только дымка густая. – Не видно...

ИЗ ЦИКЛА «БАЛТИЙСКИЕ ПЕСЕНКИ»

Квинту Горацию Флакку

* * *

Хорошо тут бродить. Улочки, лавочки,
 В полдень воздух и свет слабо касаются.
 Я бы фрукты купил, черные палочки
 Из лакрицы... Зачем-то прогулки кончаются.
 Любек, Любек... Кузмин в дневнике, кажется,
 Любиком Велимира назвал Хлебникова.
 Хорошо побывать, поглазеть, покуражиться
 В элизийских краях Запада вербного.
 Март – не март, а апрель, маем подвинутый,
 На газонах цветут крокусы белые.
 Словно из головы мысли все вынуты,
 Так и ходим, счастливые, ошалелые.
 Я не знаю с собой делать что. Надо же,
 Без тебя только вереск сырой, дымное тление!
 Как потом опишу башенки ратуши,
 Этот день, это чувство мое, это смятение?

МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА «ЛУИЗИАНА»

А на севере Дании
 Есть скворечник стеклянный, пронизанный
 Светом, прямо выходят в сад
 Залы. Музей открыт.
 Ни имен, ни названия –
 Так, коллажи: причуды с капризами –
 Я не помню... А виноват
 На залив златотканый вид.
 Потому что лучше воды, лучше подслеповатого
 Волн мерцания в солнечный погожий день
 Не найти ни шитья мне, ни рисунка помятого,
 Ни холста... разве Рембрандт один, его светотень.
 Надышавшись весенним озоном, сознание
 Засыпает, холодные пузырьки бегут, вино за столом.
 Жизни большая часть, увы, во внимание
 Не берется никем, терзаемся – и поделом.
 Я бы время остановил, из часиков выковырял
 Батарейку: весеннего датского воздуха жаль.
 Задохнусь, словно в первый раз имя любимое выговорил, –
 А всего-то лишь в март голубой переходит февраль.
 Объяснить не смогу ничего моему собеседнику,
 Возвращаясь. Автобус плывет, не касаясь колес.
 Дома снова, небось, неделю ходить по городу-леднику
 Дорогому, и радостно, и жалко до слез.

В СТОКГОЛЬМЕ

Рождалось чувство, скорей, желание
 Застать себя (вот эти здания,
 Вот эти шпили, в небо круто
 Воткнутые, вот залив блестящий),
 Застать себя тут хоть на минуту
 В реальной жизни, в настоящей.
 Не получалось... Как бестелесный –
 Не знаю, кто только – город, тесно
 Шхеры скалистые облепивший,
 Или я сам, задремавший невольно
 (Во сне легко ведь свалиться с крыши,
 Бродить беспмятно по Стокгольму).
 Непроницаемо небо близкое,
 Весна холодная, асфodelийская.
 Иди, куда тебе угодно,
 Доверься этим камням суровым.
 Я никогда еще так свободно
 Себя не чувствовал в месте новом.
 Я тут – но в капсуле целлофановой,
 Наверно, надо приехать заново,
 Остановиться на месяц рядом
 С улочкой, где застывают кони,
 Слиться телом, умом и взглядом,
 Уток в протоке кормить с ладони.

ИКАР В МУЗЕЕ МЕЛЛИСА ПОД СТОКГОЛЬМОМ

С одной лишь точки я наконец его
 Увидел взмывшим в небо зеленое.
 Пространство, временем отдаленное,
 Ты ли со мной теперь, верная Швеция –
 Скалы, ветер и море рядом?..
 Я не верю... да и не надо...
 Фонтаны юркие ловкого Меллиса,
 Юнцы, подпрыгивающие струями,
 Колонны, прячущиеся за туями,
 Европы ворованной телеса.
 Здорово, здорово, даже слишком,
 Скоро ли грохнешься ты, мальчишка?!
 Вообще-то, конечно, это иллюзия –
 В свободном полете цивилизация.
 Поезд пройдет, буферами бряцая,
 А тут Византия, Эллада, Грузия,
 Заповедные сны о рае,
 Отрок падает догоняя.
 Затем он только еще и держится,
 Что там, внутри, сердцевина полая...
 Прости же, солнце, меня, веселое,
 И мне довелось под тобой понежиться

Минуту лишь, чтоб теперь проснуться.
Европа – юношеская поллюция.

ГОТЛАНД

Мне всего милее было наблюдать этот радостный лет.
Вдоль кустарников и сосен наш автобус быстро скользил.
Если вдуматься, неясно, почему так в жизни везет.
Слушать писк экскурсовода, право же, не хватало сил.
Вся-то здесь у них природа, как ухоженный, чистый парк.
В местной церкви нас встречала под увесистым потолком
Жительница с близлежащей фермы. Туфли шептали «шарк»
По дорожкам – мелкий гравий, клумбы, убранные песком.
Жалко, солнце слишком рано потянулось в море назад,
Удлинившиеся тени на дорогу тихо вползли.
А у нас сейчас-то холод, крыши кроющий снегопад;
Скоро, скоро возвращаться – ради Бога, меня не зли!
Мысль – приправа и отравя самых светлых, счастливых дней,
Мне никак тревоги липкой не отринуть, не побороть.
Замечательной ошибкой было в мерзлой земле моей
Так пустить глубоко корни, так впитать ее в кровь и плоть.

* * *

Швеции королю Карлу Густаву,
Чья красуется голова в серебряном ободке
Самой ходкой монетки, боюсь, посочувствую:
Как же жить в далеке таком, холодке?
И когда нас в Стокгольме пустили – показывали
Библиотеку Бернадотов – казалось мне,
Что Его Величество где-то там, за портьерами, вазами,
Вот уйдем – появится из-за двери в стене.
Удивительно: в паутинку попал, и мифология
Так и будет всю жизнь его обволакивать, охранять.
Ах, привратники во дворце какие серьезные, строгие,
Очень хочется ущипнуть кого-нибудь – нет, обнять.
А в протоке возле самого дворца плавают лебеди,
В день воскресный люди прогуливаются не спеша.
Если б вышел, тотчас выделили, отметили бы –
Ускользай, непойманная, пари, душа!
Почему-то хочется мне за тонкими этими
Ширмами отыскать его, сказать: не горюй! –
Королева Дании Маргрета навестит – приятно быть соседями,
Беатриса из Голландии пошлет воздушный поцелуй.

8 МАРТА 1992

Я запомню тот день. Корабля резвого
Ходкий бег по полям моря лилового.

Шведской речи сверкай, тонкое лезвие,
Ощущенье чего-то знакомого, нового.
Разговор за столом – в основном жестами
Объясняться пришлось... ничего – поняли,
Потому ли, что взгляд все слова пестовал,
Или мысли шушукались между ладонями.
Как понравилась мне семья милая,
Все под стол норвила залезть девочка.
Может быть, в самом деле душа изобилует
Добротой и любовью. Звенела тарелочка.
Чуть заметно покачивалась палуба,
Улыбался, в каюту идя, празднуя
Эту встречу. За что жизнь жалует?
Просто так. И погода стоит ясная!

ХЕЛЬСИНКИ

Собор над площадью висел фонариком,
Как светлое пятно на небе тлеющем,
Ступеньки оседающие стали к нам
Сползать тяжелой массой цепенеющей.
Трамвай спешил по колее зауженной
В неоновом мерцании стеклярусном
Витрин, витрин сплошных – во всеоружии
Товарно-ширпотребно-многоярусном.
Так вот какое будет возвращение:
Сеней стеклянных чешуя ажурная.
Я не боюсь, я не прошу прощения –
Давай, играй, мелодия бравурная,
Давай, расшевели ко тверди матовой
Огни прижатых звезд, себя не чующих!
Павлиний крик... Не отставай, подхватывай
Проросший снова звук в толпах кочующих.
Так ли мечталось в полном нам молчании,
На поезд глядя, следующий в Хельсинки?
Суровых елей тяжесть за плечами и
Старухи на платформе возле лесенки.

* * *

Ну прощай, ну прощай, я хранить буду
Две-три нежных строки с счастливой кислинкой...
Потому ли, что город домов груду
Гроздит или осень свою линьку
Завершает, а может быть, потому что
Здесь, на севере, теплого нет моря,
Винных ягод, имен липких – Ялта, Алушта, –
Отпускаю, вот видишь, тебя, не споря.
Непонятно, случилось как – ослабела
Та пружинка. Домов грузных серые пятна.
Помнит память и чувство, и тело, и тело,
Но не хочет, не может принять обратно.
Как подглядывал город ночной за нами,
Ждал товарищей в играх себе, мальчишка,
Весь изрытый, исхоженный каблуками,
Слишком любящий, верящий нам слишком...

* * *

Я хотел бы сердце остановить,
Чтобы, глупое, не пугало тебя,
Чтобы кровь, бегущая во всю прыть,
Замирала, медлила влечь любя,
Чтобы стал объятием полумрак,
Шаткой-шаткой лодочкой на волне,
И терялись звуки, идя – вот так! –
От тебя ко мне и во мне.
Вей, струя ночная, мотай, крути
Занавесок сети, студи висок.
А еще я хотел бы в тебя уйти
Насовсем, как вода в песок.
Просочиться в небо – туда, туда,
Раствориться крошевом звездным, льдом,
Без возврата кануть и без следа,
Без всего того, что потом...

* * *

Когда ты сидишь напротив, лишь руку мне
Протянуть – и вот уже я – не я.
Возродись – и снова сгори в огне,
Тростниковый прутик, душа моя!
Тот богов счастливее... Сапфо, ах,
Не ревнуй, пожалуйста, погоди! –
Это цепкий сладостный жадный страх,
Это боль у меня в груди.
Потому что если бы даже плеч,
Щек коснуться (видишь, дыханье пью –
Нет, краду губами), то как увлечь,
Как живую душу поймать твою?
Как любить безропотно, как смотреть,
Западая в каждой минуты стык,
Помня словом каждым, что это смерть...
Или жизнь, продлившаяся на миг?

* * *

У любви, у которой одно на уме,
Я учился собою владеть до конца...
Выкарабкиваться помогали вы мне,
Зарифмованные, – выкарабкиваться!
Сны прохладные слов – о! У них-то, у них
Не бывает провалов таких и чернот,
Потому что в отличие от остальных
Слово сладко целует уставшего в рот,
И не просит взамен, и не ищет наград,
И сбывается... где-то... Но где – не пытай.
Потому что стихи ничего не хотят
От тебя, лишь волнуют, куда-то за край
Увлекая тоски, неотвязных причин,
По которым вся жизнь – проблесковый огонь,
Угасанье, мерцание, сотни личин...
Вот же, только что было! – Пустая ладонь.

* * *

...О том, что нет Бога – потому невозможна встреча
И с человеком, о том, что тебя оставил
Тот, которого нет, всякой логике противореча,
Но ты ощущаешь это, словно игру без правил.
И можно теперь только «вычитать» этот Голос
В книге... Но бесполезно смотреть в окно электрички,
Потому что цивилизация наша, кажется, прокололась –
И «плаванье» продолжается, в сущности, по привычке.
Да, без руля, без ветрил, как в сверкающем океане
Горнем, раскинувшем звездную карту неба –
Карту, ежеминутно подозреваемую в обмане...
Здесь Аполлон – не Харон – перевозчик в края Эреба,
Здесь совершается путь в никуда, здесь следы, обломки
Мрамора, плоть впитавшего, пепла пустые ниши.
Только на берегу моря, у самой кромки
Волн вижу луч огневой, рокот живой слышу.

Т И Х О Е

1

Господи, порази мой разум трусливый,
 Пытающийся удержать, как плазму в магнитном поле,
 Все варианты судьбы, приливы ее и отливы,
 Будущие несчастья и боли!
 Пусть успокоит меня хотя б этот сад затихший,
 Сверчок дотошный, жасминовый куст цветущий,
 Ветви усталых ив, склоненные, их же
 Тени, опущенные в непрерывный поток влекущий.
 Если бы только понять, что все уже состоялось,
 А время – всего лишь стойло для рвущегося желанья,
 Что нечего предложить (взамен, хоть это такая малость)
 За наши грехи и слезы, надежды и оправданья.
 И просыпаясь, жду – чего, не смогу ответить:
 Толчка ли, забытых слов, нежного оцепененья?
 Как будто бы кто-то ловит меня в золотые сети
 Вечного, одного-единственного мгновенья.

2

Если честно, я о Тебе ничего не знаю
 И боюсь признаваться в этом...
 Только вспышка необъяснимой надежды, когда уже к краю
 Прижимает жизнь, только шорох в воздухе разогретом,
 Только небо ночное, тысячеокое – прямо в душу
 Вглядывающееся, и холод головокруженья,
 Только то, что в самый последний момент я не трушу
 Почему-то, как будто кто-то другой принимает решение...
 Я не скажу, что мне этого мало, – читая
 Четыре заветные книги, особенно от Иоанна,
 Но какая-то есть внутри полость пустая:
 Любить, любить, не видя, не слыша, – так странно.
 И лишь иногда в полудреме – утром или под вечер,
 На границе бодрствования и сна, уходя за пределы,
 Чувствую то ли руки, легшие мне на плечи,
 То ли слова, просачивающиеся сквозь тело.

3

Как же Твое лицо увидеть мне? – Ведь не в Риме
 На летящей фреске с рождающимся Адамом!
 Что Вездесущего может быть неслышимей и незримей
 И несущественнее тем самым?
 Это я понимаю: что дальше всего – то ближе,
 Чему не сыскать опоры – само всему стало базой.

Мне только невоготу молчание. – Ну, скажи же,
 Шепни какую-нибудь чепуху вроде: «Туда не лазай!»
 Прости мне слабость мою, суесловие, празднодумье.
 Ну, в самом деле, чего я прошу? – Шпаргалку?
 Все подозрительность, глупость и трусость-лгунья,
 И самого себя – любимого, да? – так жалко.
 И даже эта моя ирония лишь защита.
 Мне страшно – честно скажу – страшно и одиноко,
 Как той звезде, что к бездне ночной холщовой навеки впритык пришита,
 Как капле у жерла гудящего водостока.

4

Слава Твоя и сила, сила и слава!
 Что это было?
 Июльского солнца лава
 Была в стекло, глаза мои застилала...
 Этот дремотный свет, бабочки в грань удары,
 Крови толчки, блики дрейфующие, как медузы,
 Волчки пыли поперек тротуара,
 И нитями лопающимися все-все связи, все узы.
 Стою. Нет, ничего. Словно поднялся резко –
 Гаснущая темнота. Сейчас! Тише!
 Тело, ставшее на мгновение мягким, как занавеска,
 Бесчувственным, как прыжок с крыши.
 А откуда-то из глубины поднимающееся волнами
 Спокойствие. «Господи, – говорю, – Господи, как хорошо-то!»
 И долго еще, очнувшись, в себя приходя, настраиваясь, делами
 Занимаясь, слушаю, как неторопливо гаснет слепящая эта нота.

5

Этот опыт, по-видимому, не для стихов – как жаль!
 И вообще, о главном сказать можно только так –
 Вскользь. А каждый раз кажется, что Грааль
 Собираешься добывать или тайный знак.
 Чего проще – душу ждущую обмануть:
 Вот ребенок сказку слушает перед сном.
 Но ты вдумайся только: *нет*. – И такая жуть,
 Словно выстужен и навеки покинут дом.
 Что философ скажет – не все ли теперь равно,
 Если вся твоя боль и надежда – лишь в никуда.
 Ах, я знаю, об этом нельзя так прямо, запрещено.
 И гремят мимо окон по насыпи поезда.
 Наступающему новому времени будет нас
 Не понять. Как держится еще жизнь, зачем,
 Если анестезия есть, веселящий газ –
 Утолить тоску и на мысли надвинуть шлем.

Лишь молчание на поводке у ночи...
Если бы и умел молиться, слова мои были б короче
Крика птицы в коконе веток уснувшего тополя, глуше
Скрипов старого дома и вздохов листвы снаружи.
Дачный сад заляпан отсветами из окон,
Тонкий серп луны – как лодочка над протокой,
Из ведра струи серебряной разматывающийся локон –
Пей, пожалуйста! Холод губами трогай!
Странно как в темноте! Надувное нутро объема,
Словно мяч волейбольный, спущено, опадает дырявой шиной.
И не стало пространства, времени – только пленочка-полудрема
Бархатистой мглы под пальцами, шорох ее мышиный.
Эта пыль – не пыль (для пыли влажная слишком), эта
Взвесь какой-то липнувшей бесформенной массы – кто ты?
Кем душа затеплена и для чего согрето
Тело, тело легкое? – Чтоб заполнять пустоты?
И всего-то смысла во всей твоей канители –
Зажимать рукою безумное бормотанье
Ночи, крики страха, задыхания на постели,
Подступающие рыдания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Даже пятка, даже затылок бритый, даже бычья шея в поту
(Кто ты, брат мой, – якут? бурят?)
Ярче, чем лицо ушедшего в темноту
Сына праведного, горят.
Я здесь с первого часа и всем надоел,
А тебя заждались – входи!
Это верность занудная – не у дел...
Ты же, глупый, прильни к груди.
Он не помнит глаз своих выплаканных, он простил –
Любят тех, кто всего больней.
Застывает мрак коричневый, как настил
Над провалом глазниц и дней.
Лишь багрянец с золотом – вот такой
Сгусток крови – друг к другу льнут.
Обо мне же нечего – под рукой,
Вечно рядом я, вечно тут.
И бледнея, смотришь из темноты,
Ждешь, припав к косяку клетки.
Брат вернулся... Брат, неужели ты?
Неужели могу уйти?!

* * *

В конце концов понимаешь,
Что никому, никому это не нужно,
Потому остается с тобою, как утренний ветер южный,
Как сон, в котором находишь – сразу теряешь,
Как память, хотя однажды догадываешься, что времени нету,
Как надежда, проецируемая туда, откуда не будет возврата,
Мне даже неловко словом определять беспомощность эту:
Любовь? невозможность? – не знаю... Просто душа виновата,
А в чем? – Бог весть... Но теперь ей места не будет
Здесь, у нас: сослепу, с яркого света стукаться о предметы.
Ты прав, конечно, забавные эти зверушки – люди,
Особенно тот один, носящий горькую мету
Моей тоски. Но к вечеру холодает,
Сгусток луны проступает, край горизонта светел.
Мне последнее время кажется, что это другая
Жизнь... Уже другая... А прежнюю не заметил.

* * *

Со всеми теми, кому это по плечу,
Кому и небо в вечерней его экземе
И взгляд ночной, доверившийся лучу,
Доступны, внятны... Я знаю, со всеми теми...
Со всеми теми мы были: и этот зной
В крови, соленых губ океанский привкус,
Эреб, эфеб, элизийский мотив сквозной,
Лоснящийся зеленью листьев эдемский фикус.
Я знаю, увидеть можно, закрыв глаза,
И так отправиться вдоль Золотого рога:
Корабль юркий под парусом, стрекоза
На мачте и юность – пленница, недотрога.
Кто лучше нас заметит, кто лучше нас
Поймет, как мед густеет в простой фонеме,
Как тает воск, как плавится, чтобы спас
Горячий миг эту встречу со всеми теми?..
И что нам сейчас отсюда, из пустоты,
Высчитывать путь по навязанной кем-то схеме
Нелепых признаков нынешних! Я и ты –
Достаточно! Время в своем водолажном шлеме
Уныло булькает. Смотрят, разинув рты...

* * *

Не быть и все – без всяких снов,
Без проводов у эскулапов,
Без потрясения основ;
Как дырку в краске процарапав,
Уйти – и там ничем, никем
Не делаясь, не проникая,
Не видя, вынутым из клемм
Остаться... Вот она какая!
А сгусткам крови было жаль
Труда текучего, живого.
Вот-вот: и малая деталь
К исчезновенью не готова.
Возьми ее, укутай в шелк
Чернот зияющего свода.
Я б, все Тебе отдав, умолк –
И это бы была свобода.
Затем, что – что же делать вид,
Как будто отдавать не надо
То, что не мне принадлежит
В огне расплаты и распада.

* * *

Так, ресницу вынув из глаза, долго
Смотришь, словно не понимая:
Этот жгутик жесткий, стерня, иголка –
Плоть разросшаяся моя. Я –
Гумус, фитопланктон, основа
Для покрова волосяного,
Костной, мышечной, кожной ткани
Усыханье, произрастанье,
Совершающееся в теле,
Я – испуганный эпителий...

Переходит в смерть, говорит Платон,
Жизнь, как явь переходит в сон,
Но обратно всем пробужденье есть...
Только как же кровь моя – взвесь
Этих красных, белых телец в глубине,
Капилляров ловчая сеть –
Жизнь чужая, струящаяся во мне,
Совершающаяся смерть?
И пусть Ангел с белым придет крылом
Душу взять в свой эфирный плен... –
Как же этот ветвящийся бурелом
Сухожилий дрожащих, вен?

ТРИСТАН

* * *

Морю ли зеленоглазому
 На тебя глазеть, качая
 Лодочку? Ни сну, ни разуму
 Не доверил бы ключа я
 От случайности венчания
 Чайня ли – нет – глагола
 И минуты той. Отчаянье
 Нас у мыса Корнуолла
 Поджидает. Золотистую
 Пью вино в вине, глотаю
 Ужас счастья. Нет, не выстою,
 Безднажность коротая
 Ожиданья. Солон пеною
 Брызг и звезд ночных остывший
 Воздух – истиной мгновенною,
 Никого не пощадившей.

* * *

Что делать Марку, как делить
 Одну любовь, вполне
 Самодостаточную, – нить
 Рвать: ни тебе, ни мне?
 А бедный юноша Тристан? –
 Он и в лесной глуши
 Душой и телом дяде дан.
 Луч солнца, не спеши
 Изольды локон целовать!
 На сон ее король
 Кладет перчатку и печать,
 И жизнь свою, и боль,
 И ей вернуться предстоит,
 Затем что есть магнит,
 Который целость всех троих
 Бесцельностью хранит.
 Вот так, как есть: не разделив,
 А слив в одно, одним
 Остаться каждый мог из них
 Счастливым – невредим.

* * *

Из Ирландии волос вился золотой,
 Чтобы дядюшка старый женился на той,
 Ну а юный племянник, жарой утомлен,

Взяв из рук этих кубок, по капле свой сон
 Пил так долго, что чайка, повисшая над
 Кораблем, относимая ветром назад,
 Чуть отстала, и парус обмякший вспорхнул,
 И от солнца застылого медленный гул
 Поднялся – это кровь к голове прилила;
 Плоть тесна ему стала, одежда мала.
 Раскачай-ка попробуй, упрямый звонарь,
 Стопудовую медь, неподвижный ударь
 Воздух, чтобы он лопнул, как гнойный нарыв,
 Тяжким звуком!..

Лишь губы стоял приоткрыв.
 И зеленая, так же как глаз его мгла,
 Чуть мерцала поверхность морская, звала.

МОРЕ

В общем-то, конечно, только это,
 Налитое в бездну – до краев –
 То свинцово-шарового цвета,
 То льняно-зеленое (поддѐв
 Неба), море в отблесках и метах
 Света – твоя воля, твой улов.
 Будто бы гигантский шарик ртутный.
 Загипнотизируй, закружи!
 Жизнью ли тяжелой, беспробудной
 Забываться? Волны, как ножи,
 Влажно блещут. Видишь ли, не трудно,
 Одному не трудно. Отвяжи
 Старой лодки поводок пеньковый,
 Оближи соленым языком!
 Лучше так. Теперь, на все готовый,
 Ко всему, не помня ни о ком,
 Ты плывешь, твой плотик поплавок
 Задевают звезды плавником.

* * *

Огоньки и рыбы одни вокруг,
 Волн двоякодышащих плеск, покой.
 Раствориться надо в пространстве, друг,
 Раз не может любить другой.
 А точнее, любит, но не дает
 Ни себе, ни тебе вздохнуть, задержать
 Возле губ пересохший, горячий рот...
 Надо просто его зажать!
 Если некому больше, то, значит, сам:
 Принимай мое тело, купель морей.
 Чайка, чайка – ветер по волосам –
 За кормою флюгером рей!

Доплывешь ли или пойдешь на дно –
 Ляжешь в сумрак зеленый, в прохладный ил –
 Все уже оценено, учтено,
 Обосновано: ты – любил.
 Кто же чуткий лучше теперь поймет
 Эту необратимость всего – внутри?
 (Золотистых отблесков перемет.) –
 Только море и ночь – смотри!
 Потому что знание – как испуг.
 Вытесняет чувство, втесняет страсть
 В недоступный прочим слепящий круг
 Звезд, готовых с тобой пропасть.

* * *

Если бы ты была
 Соленой волною, звездой –
 Слились бы наши тела
 За смертельною той чертою...
 Нечего ночи делить,
 И море не знает счета
 Вздохам своим – это нам пить,
 Людям, любовный напиток крови и пота.
 Чистым – все чисто, и знающему – открыто;
 Тот, кому больно, на все обретает право.
 Вот, посмотри же, как жизнь воедино слита:
 Нет ни тебя, ни меня там – лишь огненная орава
 Звезд, запрудивших небо
 И море подрагивающим светом.
 Видишь ли, все нелепо
 По сравнению с той волною.
 И потому ухожу, уплываю я в вечность эту,
 Ибо иначе просто не пережить то, что со мною.
 Стану ли я там чайкою, глубоководной рыбой,
 Или кристалликом света, или дорожкой лунной –
 Мне все равно. Плывут ледяные глыбы
 Айсбергов, с берега смотрят на них песчаные дюны.

* * *

Как ночами вечность тебе шептала
 Сквозь уключин скрип, гул волны...
 Ах, тебя и себя мне, наверно, мало –
 В герметичную жизнь втеснены,
 Где заполнены все валентные связи:
 Эта – с этим, та – с этой, тот – с тем.
 И довесок потно-слепых безобразий...
 Не дышу, не пью и не ем.
 Только воздух свежий ночной целую –
 Потому что на всех он один,

И смотрю на звездную цепь золотую,
 А в воде – серебристую – льдин.
 У меня ни воли, ни пониманья –
 Ничего не осталось. Но
 Безотчетно копится ожиданье:
 Всех полюбим, все воплотим желанья,
 Лишь на влажное ляжем дно.

* * *

Совершенно непонятно,
 Что мешает вместе им –
 Так, как солнечные пятна,
 Так, как Иерусалим,
 Где Мессию и Пророка,
 Псалмопевца и царя
 Три религии высоко
 Вознесли благодаря...
 Даже Бог на нас трехлико
 С золотой глядит доски.
 Жизни солнечное иго
 Не разрезать на куски.
 И нести его бессменно –
 Вместе ли, по одному...
 Так зачем налипла пена
 На широкую корму?
 Легче сделаться звездой,
 Чем любимым и любить,
 За волною кочевою,
 Чуть покачиваясь, плыть,
 За ее мерцаньем ртутным
 Наблюдая, видеть, как
 Проступающее утром
 Ночи втягивает мрак.

* * *

Раз, хотя бы раз ему откликнуться
 Голосом одним, но человеческим...
 Ты, надежда, – путаница, схимница,
 И уже тебя утешить нечем.
 Вот оно, твое пространство полое:
 Чайкою свободной – так хотела?!
 Только что-то слово невеселое
 Плоть не становится, а тело
 Не стремится смертное томление
 Переплавить в горней той плавильне.
 Влага на губах, недоумение:
 Как? – еще упорней, светосильней
 Быть, многотерпимее, бесслезнее,

В слабости – сильней, нечеловечней?
 Что еще ты хочешь, бездна звездная, –
 Вечное сиянье, холод вечный?!

* * *

Пей, к губам подноси
 Край – холодный металл.
 Лишь бы взгляд на оси
 Взгляд любимый пытал!
 Что осталось нам? – Миг
 Этот, чтобы совпасть.
 Пей! Лозы проводник
 Коммутирует страсть.
 Там – в саду ли со льда,
 Здесь – где звездная гать...
 Пей! Не стоит труда
 Даже предполагать.
 Я всего лишь живу,
 Ты всего лишь со мной.
 Пей, пока наяву,
 Пей, пока заводной
 Ключик, вставленный в паз,
 Мировые колки
 Свел, обрушивши нас
 В нас – как воды реки.
 Пей, пока этот лязг
 Наложив, не разъял
 Холод краденых ласк,
 Привыканья оскал.

* * *

Как будто впереди по крайней мере сотни
 Лет, чтобы тлел внутри все тот же ровный пыл...
 Забудь, забудь! Природа безотчетней:
 На вечность разве ты рассчитан был?
 Пожитки сложены. Счастливо ли, уныло
 Текла здесь жизнь – исчерпана она.
 Но это тело знает, а не сила –
 Та, ненасытная, что в сердце втеснена.
 И вот, как море, вечности причастна,
 Волною катится, и ропщет, и гнетет.
 Душа, душа! Ты здесь? Ты не согласна
 Свой прерывать измученный полет?
 Возьми в свидетели дрожащие созвездья
 С их млечным холодом, пронизанным огнем:
 Был, есть и буду и пребуду весь я
 В любви своей, в отчаянье своем!

* * *

Пока не сгнило тело, что успеть
 Могу (в неустрашимый вовлечен
 Процесс), уже разрушенный на треть,
 Измученно хлопочущий – о чем?
 О том, чтобы совпали, замерев,
 Сердца. – Где двое или трое – там...
 Но Бог тогда – в сплетении дерев,
 Корням их потакая и стволам.
 Не сдвинуться им с места, до конца
 Врастая в эту жизнь, взмывая ввысь.
 А я хочу любимого лица
 Хотя б черты запомнить. Убедись,
 Что есть еще там, где-то, твой магнит,
 Что полюс притяжения не пуст.
 И умирающего бременит
 Недоданная ласка милых уст.
 Зачем такая боль, зачем страдать
 По белому пятну неполноты,
 Когда еще минута – целовать
 Не женщину, а вечность будешь ты?!
 В чем смысл этой временности? Над
 Могилами орешина и клен
 Сплетутся так, что не разнимет взгляд,
 В темнеющее небо устремлен.

* * *

Что означает это стояние,
 Сумрачно-верное, прочное, от
 И до?.. Лишь крон на ветру колыхание,
 Лишь прорастанье в тугой небосвод?..
 Так, от корней поднимая таинственно
 Влагу в прозрачно-холодную высь,
 Тихо, задумчиво, широколиственно
 Шепчут... И словно их думы сбылись.
 И остаются лишь прикосновения
 Мрака, ветвей безотчетная дрожь,
 Лишь воплотившаяся на мгновение
 Вечность, и каждый с ней тяжестью схож
 Сердца удар. Но и сердца древесного
 Не обнаружить. Тянись, разомкни
 Мира земного объятие тесное –
 Выше! – Где звездные льются огни.

* * *

Ты теперь меня убить можешь,

Так же как я лесного оленя:
 Голову отделишь и шкуру разложишь
 На траве, придавливая растения –
 Топкий стебель лютика, хвост сурепки,
 И осоки лезвия, и кудлатый
 Клевер? Как эти связи крепки! –
 Копшатся в прахе жуки-солдаты.
 В море, в жирный пласт ли, в кипенье кроны
 Уходить, – найдутся друзья из басни –
 Муравьи, стрекозы. Я обреченный,
 Потому что ты для меня опасней
 Глыбы океана, пучины леса,
 Тайны скользкой воздуха, слов *а так ли?*
 После ливня, как бы не чуя веса
 Своего, повисают на листьях капли.
 Если не сорвутся, то испарятся,
 Лишь лучом пригреет своим светило.
 Неужели должен тебя бояться? –
 Я – тебя... всего, что есть, будет, было?

* * *

Понимаю – и не понимаю:
 Ни с тобою быть, ни без тебя
 Не могу. Словно жизнь изымаю
 Из мгновения, время дробя.
 Посмотри: а деревья, стволами
 Упираясь в лазурный атлас
 Неба, будто застыли над нами
 В нескончаемом *здесь и сейчас*.
 Чтобы сделаться, отождествиться,
 Надо, может быть, просто смотреть:
 Жизнь, попавшая в глаз, как ресница,
 Лица ангелов, отсветов медь...
 Только... только бы не торопиться,
 Не пугаться себя, не жалеть!
 Это значит постигнуть порядок
 В беспорядочном строе стволов,
 Размещение листьев и прядок
 И поступков – чудесный улов.
 Вот, возьми – мне не нужен задаток
 Губ твоих, обмирающих слов!
 А что нужно, то знает, должно быть,
 Клен – ночной тишины побратим.
 Ни поймать, ни назвать, ни потрогать
 То, что мы от другого хотим.
 Счастья? смерти? любви? остановки? –
 Словно лопнуло время в груди?
 Я не знаю... По кромке, по бровке
 В ненадежную вечность веди!

* * *

То, что есть у тебя, мне отдай, мне отдай!
 Я не верю, что нечего: ты – это ты.
 Потому что лишь вспомню – Урал и Алтай
 Вновь из лавы вздымают крутые хребты.
 У тебя бы я отнял насильно – да, да,
 Если б знал только *что*, если мог бы найти
 Под одеждой, под кожей, под кромкою льда
 Этих глаз. Ты стоишь у меня на пути!
 Все причины и следствия стянуты в нить,
 Все поступки... – но каждый в отдельности пол.
 Я, наверное, даже способен убить
 Тебя был бы, когда бы тем самым обрел
 То искомое... Ты усмехаешься: «Что ж,
 Попытайся! А только что, вряд ли найдешь».
 Если звезды горят – значит, это кому-
 Нибудь нужно, глядящему в мерзлую тьму,
 Если море дробится о выступы скал –
 Значит, кто-то терпеть эту муку устал,
 Если горло сжимает комок пустоты –
 Значит, ты это, ты это, ты это, Ты!

* * *

Платы слова, платы взгляда...
 Ты, любовь, как биржевик –
 Платишь?! – Да? Но помнить надо,
 Что оплачиваешь миг.
 Потому что время – это
 Нечто вне тебя теперь.
 Буффонада, оперетта:
 «Верь мне, милый мой!» – Не верь!
 В измерение другое
 Знаешь – не перетащить
 Наше счастье роковое.
 От бессилия лущить
 Дни, терпения отводки
 Выпуская, словно куст.
 Он один всего – короткий
 Праздник встретившихся уст
 Или звезд. Но нам оттуда
 Не достать (из пустоты)
 Миг другой. Какое чудо
 Было где-то там?! – Не ты
 И не я... О Боже правый,
 Кто мы? Цену назови,
 Чтобы время стало лавой,
 Застывающей в любви.

* * *

Все останавливается во мне.
 Может быть, я становлюсь как они –
 Влажно мерцающие при луне
 Волны, стволы в густохвойной тени?..
 Вечное перетекание и
 Мощь неподвижная – что-то одно.
 Если бы спрятать глаза от любви!
 Если бы, как световое пятно,
 Мир этот где-то там брезжил вдали,
 Где-то там... Внутри себя обратясь,
 Мысли тягучими соками шли,
 Осуществляя смолистую связь
 Неба с подпочвенной жирною тьмой! –
 Промысел Твой или вымысел мой?
 И не смятение, а пелена
 Поля невидимого пустоты;
 Только вкусившим того же вина
 Внятны ее силовые жгуты.
 О, неужели тебе не видна
 Бездна?! Мои не заметны следы?
 Ну так прости, если можешь, прости,
 Горький, – за глухонемые слова,
 Смысл, зажимаемый прахом в горсти,
 Боль, что все сущее оболгала.
 А на поверхности – травести
 Страсти заржавленная игла.

* * *

Я боюсь остановиться, боюсь закончить,
 Потому что тогда останется умереть.
 Как бы фраза ни делалась чище и звонче,
 Ничего не сдвинется ведь!
 Предъявлять ты можешь права любые,
 Хоть себя в основание класть. –
 Этой выстуженности, как бычьей вые,
 Безразлична такая власть.
 Пусть в лучах прозрачных живой зарницы
 Понимания полноты
 Все, тоскливо ждущее воплотиться,
 Обретет наконец черты,
 Пусть во тьме не знающие преграды
 Звуки сложатся в чудный хор. –
 Глухи, глухи, время, твои менады
 Кровожадные, до сих пор.
 Так сиди, всеильный, в своей бутылке,
 Из Аида не выходи!

Лишь шипучей пены мотивчик мылкий,
Герметический пыл в груди.

* * *

Все, что тут происходит со мною,
Здесь и закончится – словно старость. –
Со слепотою ли, тишиною
Наедине – это чтоб осталось
Только на одного – на Бога
Полусвихнувшееся упование.
Все настоящее – одиноко,
Ибо не требует оправданья.
Это – н и ч т о. И оно случилось
Здесь почему-то, а не за гробом:
Море, раскрывшееся как милость
В волн набегании крутолобом,
Лес, чье вытягивание – выше,
К тверди, – все кажется мне ответом,
Звезды, которые ночью дышат
Свежим, зеленым, холодным светом.
И потому тебе будет трудно.
И потому ты в мои не сможешь
Строки, рождающиеся подспудно,
Вжиться как следует, влиться. – Что же,
Пусть они лягут придонным илом,
Мертвою, лопнувшею корою,
Рыбам понятные, белокрылым
Чайкам парящим, пчелиному рою.

* * *

Ни врачи, ни духовники, ни друзья
Не помогут уже – разве тот, один,
От которого-то как раз нельзя
Ничего нам ждать, паладин.
А любовь – как старость, когда болезнь
Прогрессирует, что-то там в глазах
Докторов смещая. Лишь плесень, песнь
Лебединая, нежный страх –
Как покальвание в ладонях. Взгляд,
Слепни, слепни, гасни! – Земля и твердь
Вне твоей системы координат,
Ибо четырехмерна смерть.
А они давно – там, за чертой.
Что, скажи, тебе в отзвуке мертвых слов
Моего пространства?! Лишь свет витой
Звезд доходит да шум валов.
Потому я и обращаюсь – в ночь,
А не к людям, рассованным по гуртам.
Тот, кто мог бы, единственный, мне помочь,

Сердце сдвинув, остался там.

* * *

Я поставить все это хочу как заклад:
 Тебя выкупить тайным безумием вод,
 Слов и звезд, оборвавших швартовый канат
 И скользящих в распахнутый водоворот
 Хищной вечности. Если ты скажешь теперь,
 Что и этого мало и это не то, –
 Значит, нет ничего, значит, наглухо дверь
 Заколочена, значит, и твердь – решето,
 Сквозь которое сыплется прах в никуда,
 А на нем разрастается зыбкая плоть,
 Одержимая манией жизни, труда –
 Поднимаясь, бессмысленно небо колоть.
 Что вы пялитесь, звезды! Что, бороду на
 Берег выставив, тупо ворчишь, океан!
 Если мало – прощайте на все времена:
 Нету платы за этот вселенский обман,
 Нет цены. Ты берешь у меня и даешь
 Просто так, отвечать не желая за ту
 Жажду неутолимую – правду и ложь
 Различать, переполненность и пустоту.

* * *

Внутри тебя ли, за тобой
 Как будто что-то есть...
 Я жизнью не могу слепой
 Жить, взбалтывая взвесь
 Неподконтрольных мне утрат,
 Мигающих планет:
 Вчера – твой суженый и брат,
 Сегодня – больше нет.
 Пусть в заговоре темный свод,
 Пронизанный огнем,
 Глубинная утроба вод! –
 Мы... мы с тобой – живем!
 И некуда нам отступать,
 Хоть сердце приколи:
 Вокруг мерцающая падь,
 Молчание земли,
 И вечности разлитый клей,
 И звезд налипших сор –
 Торчащее из всех щелей,
 Глядящее в упор
Ничто, раскинувшее персть
 Мертворожденной той
 Вселенной, сияющейся сверзть

Нас в холод свой пустой.

* * *

Все ваше будущее волненье,
 Над каждой строчкою замиранье
 Готов сменять я на озаренье
 Одной улыбки, на обладанье
 Одним мгновением. Только чтобы
 Оно, отлившись в тебя, застыло.
 Следят из черной небес утробы
 За нами звезды... Любовь – и сила,
 Любовь – и мужество и терпенье,
 Любовь – и нечто... уже не с нами...
 Зачем вам тлеющие поленья
 Костра загашенного, следами
 Песок покрытый, на влажной глади
 Стекла змеящаяся обводка?
 Я все отдал бы ликуя – ради
 Не дальней этой, а той, короткой...
 Но пусть и так. Прорастая, корни
 Пуская в мерзлую почву, нити
 Ища, – что, мертвому мне упорней
 Всего хотелось бы там, в зените
 Грядущей встречи, где только тенью
 Уже я буду, без тени фальши? –
 Чтоб вы узнали свое смятенье
 В моем и передали бы дальше.

* * *

Все это разыгрывается в конце концов
 Между тобой и Им.
 Потому что вечность дышит в лицо
 Тем, кто любит и кто любим.
 Потому что к Иову снизошел,
 Когда тот уже ждать не мог,
 Этот мир устроивший хорошо,
 Все выдерживающий Бог.
 И страстями названы поделом
 Его муки. Твоя-то – страсть?
 Море битым бортом обдает стеклом
 И, мрачней, меняет масть,
 И бегут по небу издали
 Облака кудлатой гурьбой.
 Я дышать и жить не могу, пока
 Не почувствую, что – с Тобой...
 И тогда мне кажется – вот же, тут –
 В прикосании губ и щек
 Ты всего отчетливее, и жгут

Меня слезы... а Ты – далек...
Он к тому приходит, кто одиноко,
Чей, дымя, уже гаснет трут.

* * *

Заплатить за этот глоток головой,
Заплатить за этот укол
Целой жизнью. Пусть все зарастет травой,
Затвердеет наплывом смол.
Будет капелькой янтаря гореть
Слово то, что в устах носил.
Ты, глупец, к человеку зываешь ведь,
А не к центру вселенских сил.
Но нежданно с гибелью обручен
В этой жизни случайный шаг.
И уносит море никчемный челн
В пробуравленный светом мрак. –
Это звезды выкололи глаза
У надежды. Но не жалеи!
Потому что тех лишь поит лоза,
Кто щедрее всех и смелей.
Не хвататься же за перил края,
Если каждый напуган здесь!
Раз никто не может, то, значит, – я –
Целиком Тебе отдан весь.

* * *

Ах, не тепел – горяч, горяч
Слов рождающихся нажим...
Ты предел для меня назначь,
За которым уже чужим
Стану собственной полноте,
Одержимости заводной.
Всё не те – говорят – не те
Цели... нет уже ни одной...
Да и правда, как может мир,
В точку стягиваясь, зиять?
Ночью ангелов на турнир
Вызывающие опять,
Не желают забыть обид. –
И бедро уже не болит?
Но покамест я в силовом
Поле плазменной той печи,
Овном, рыбами, раком, львом
Осеняемые в ночи,
Поделиться хочу теплом –
Жаром, плавящим кирпичи.
Потому что потом, когда
Все закончится, как вода,

Убегающая из рук,
Я уже не отвечу *да*
На беспомощный твой испуг, —
Жизни маленькой, без следа
Исчезающей, талый звук...

НОЧИ

* * *

Счастье, только счастье – непереносимо.
 У ночных касаний свой язык...
 Гибкое – как ива влажная, осина –
 Тело. – Это Бог к тебе приник.
 И теперь, пространство трогая губами
 И чужим дыханием дыша,
 Чувствуешь: *оно*, немислимое, с нами –
 Так дрожит под пальцами душа!
 От бедра все выше – в ямку под ключицей
 Западая, втягиваясь – весь,
 До конца ты можешь слиться, раствориться...
 Не сейчас мы были и не здесь.
 Оттого так ныло тело, тосковало,
 Потеряв подругу легкую свою.
 Но теперь – теперь всего на свете мало –
 Вот, возьми – себя тебе даю!
 Волосы щекочут щеку, лезут в ухо...
 Пульс во тьме нащупывает ночь.
 Счастье – испытанье мужества и духа –
 Ни понять его, ни превозмочь.

* * *

Как плазму миллионоградусную
 Удерживают силовую
 Ловушкой поля? – Эту радостную
 Ночь, распростершую совою
 Над нами крылья ли, объятия,
 Не удержать мне лишь в пределе
 Губ, плеч и щек – гомеопатия,
 Заботящаяся о теле –
 Не об огне, чьим полыханием
 Чужая плоть с моею слита,
 Расплавлена одним дыханием,
 Одной тоскою перевита,
 Одним насквозь прикосновением
 Прошита – бабочка, Лолита...

И вот держу с недоумением
 Тебя, к себе прижав так близко,
 Что и повышенным давлением
 Глазного вспухшего мениска,
 И сердцем, такты учащающим,
 И мышц томленьем, напряженьем –
 Всем становлюсь, туда ныряющим

Бесстрашно, вслед за отраженьем
 В зрачках моих – живой, разбуженной
 Внезапно, юной, потрясенной
 Твоей души. Кому тут нужен мой
 Признанья шепот припасенный?!

Теперь – за плазмой подмороженной,
 Прорвавшей все заслоны, сети!..
 Дрожь утренняя, ужас, вложенный
 Внутрь, и одежда на паркете.

* * *

Три дня еще живу, а на четвертый, пятый
 Ждать начинаю, и к седьмому – умирать.
 За что так любим мы, ни в чем не виноваты...
 За что?! Бери всего меня – и трать!
 В морозных каплях волосы и брови
 Затем что в мае ночью падал снег.
 До замирания, до свертыванья крови
 Хочу прикосновенья этих век
 К моим губам, – давление глазное
 Чтоб измерять дыханием своим,
 Когда слова, расплавленные в зное
 Тел наших, шепчут в ухо, что любим.
 И вот теперь ни просеки, ни гати,
 Пружинящей под тяжестью шагов, –
 Парим над пропастью в сплетении объятий
 До звезд предутренних, до дальних берегов.

* * *

Это чувство хлынувшее, что сбивает стрóку,
 Это втиснутая в сердце полнота!
 Счастье, ты зачем бесцеремонно так, жестоко? –
 В жар касаний вечность отлита.
 И теперь что делать с нею – нам с тобой, раздетым,
 Маленьким, на смятой простыне?
 Ночь, священнодействуя, накладывает вето
 На сомненья в следующем дне.
 То, что с нами, – больше нас самих. Хочу в пределе
 Истомить собой тебя, томясь,
 Чтобы ничего не оставалось в гулком теле,
 Не наращивающего связь.
 В каждую испуганную впадину и лунку
 Кожи западая сердцем всем, –
 Так лежать нам, высвеченным, вытянутым в струнку,
 Канувшим друг в друга насовсем!

Чтоб небесным показывать Силам?
Вот сейчас к нам перстом своим жарким
Прикоснется, дыханье сбивая.
Ты, как жизнь, – самым главным подарком
Станешь. Словно у мрачного рва я
Был. А нынче в проснувшемся теле
Клетка каждая гулко и резко
Бьется... Ну же, давай, полетели,
Распластавшись, как яркая фреска!
Здесь, где все языки равноправны,
И понятно признание любого
Мысли, пальцы проворные – фавны –
Только сеть для чудесного лова.
Обещал же Господь небеса им,
Верьте Мне – говорил – не умрете!
Мы *сейчас*, мы *уже* воскресаем
В стоне духом пронизанной плоти.

ИЗ ЦИКЛА «БЕЗБЛАГОДАТНЫЕ ОДЫ»

НА НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Кромка столетья с нулями – как пена,
 Времени глушащий время прибой.
 Как же в вещание нам, сокровенно,
 Ныне проникнуть гуртом и гурьбой?

Вот они, речи пророка: в пустыне
 Камни внимали, пичуги с высот
 Стаями долу слетались. А ныне
 Кто разверзает пророческий рот?

Медом Валгаллы, мелическим воском
 Тысячелетья питали, любя.
 Дух, оказавшийся недоноском,
 Кто же придет помогать тебе?

Торжища наши, убогие дивы,
 Места пустого насельники, вой
 Непреставляющийся, рыжегривый,
 Ящик с отрубленной головой.

В этом пространстве «куда?» и «откуда?»
 Спрашивать просто нелепо – раствор
 Хаоса смысла, словесного блюда.
 Прячьтесь и не выползайте из нор!

В тысячном, тысяча пятисотом,
 Как бы зависнув над бездною, в слух
 Преображались (так тянутся к сотам
 Пчелы, пока еще луч не потух),

Вечности щупали пульс, трепетали,
 Веки пытались поднять, стерегли
 Звездные знаки на черной эмали
 Ночи, застывшей над лоном земли.

Вот, мы приблизились тоже, мы рядом...
 Кто замечает, кого ворожит
 Будущее ускользающим взглядом,
 Сердца неверная стрелка дрожит?

Нет, глухотою счастливой объята –
 Звери, что смертного часа не ждут,
 Ставшие пушечным мясом солдаты,
 Как бы уже не живущие тут,

Как бы не жившие. Этим и нету

Гибели, страха, потери всего.
 Боже, твой гнев запоздалый к ответу,
 Праведный, не призовет никого.

НА ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Все тяжелее с каждым днем
 Влачить реальности оковы,
 Жизнь, словно сданную внаем.
 (Какой подержанный, неновый
 Вид у нее, какая грязь –
 Увы – под ногти забралась!)

Здесь непосилен труд любой –
 Рутиной, завистью: на ложе
 Прокрустовом опять с тобой
 В который раз одно и то же
 Прodelывают; или он
 Быть одиноким обречен.

А вот любовь... любовь... куда
 С ней сунешься? Пустые траты!
 Все *нет*, все *может быть*, все *да*
 Во всем же сами виноваты.
 Но человек неуловим.
 Лишь долго втуне что-то длим.

И смерть... Реальнее всех нас:
 Константа, лет сухой остаток,
 Универсальный козопас,
 Жнец, пасечник, пчелиных маток
 Хозяин; все добро – его,
 И ты... ты тоже. – Каково?

Теперь еще представьте тот
 Домашний, тихий, незаметный
 Ад, каждодневный: как живет
 С парализованною бедный
 Супруг ее, как он дурит,
 Напившись. – Что там Троя, Крит!

И вот, когда своим крылом
 Тщету не покрывает эту
 Дух благодатный, напролом
 Стремясь прорваться к смыслу, к свету,
 Мы только рушим, только зло
 Рождаем. Голову светло...

Так празднуй, празднуй, возликуй,
 Освобождающийся ныне!
 Во сне желанный поцелуй,

Изменчивый мираж пустыни,
 Надежды призрак, за края
 Зашедшие фантазий тропки –
 Твои теперь, нажатьем кнопки
 Возвысь их из небытия!

Творя *свой* в этом вот – таком
 Чужом, неласково-жестоком,
 Ты хочешь, человек, тайком
 Уйти за слухом вслед и оком,
 За осязанием. Всем им
 Дадим поживу, оживим!..

Уйдем! уйдем! Там любят нас,
 Там отвечают неумелым.
 Покамест влажный не погас
 Экран, иной душой и телом, –
 Иным, волшебным бытием
 Распоряжаемся. Уйдем!

Так вот он, древний Эмпирей,
 Элизий призрачный, валгалльный
 Чертог тоскующих теней,
 В свой сон запавших погребальный!
 Обрато открывать дверей
 Я не хочу, прощай, Реальный!

НА КУЛЬТУРУ

Веди, как Эвридику из
 Глубин Аида, душу живу,
 Замысловатый экзерсис,
 Звук, златоогненную гриву

Струн подставляющий рукам! –
 Еще ласкайте, теребите,
 Любите сутолоку, гам,
 Семь нот ликующих в зените!

Пусть флейта Моцарта поет
 Всех птиц лесными голосами,
 Смеясь, настойчиво зовет
 Идти, куда не знаем сами.

Еще там Бах, еще там Бог
 Сурово-вдумчивые тоны
 Внутри пространства приберег,
 Как вспышки солнечной короны.

А живопись промывает глаз,

Прохладою прополоскает:
 Всех фресок Джоттовых запас,
 Каналов Гвардиевых стая,

Стекло Веласкеса, Ватто
 Скрипучий шелк, Матисса пятна...
 Без этого ?! – Невероятно!
 Сфумато, света решето...

И Слово, страшное в своей,
 Тревожной к воплощенью тяге...
 Опутай, смыслами овей,
 Отгороди листом бумаги

Нас от хаоса бытия,
 Дай призму, чтоб смотреть отсюда
 На жизнь, на это чудо-юдо,
 На мир, куда заброшен я!

Вот та площадочка, тот слой,
 Искусственный в природном теле,
 Где быть могу самим собой,
 Где невозможность одолели

Существованья мы, вот тут,
 Где дух в пространстве чужеродном,
 Пытаясь сделаться свободным,
 Раскинул щупальца. – Растут!

Культура – плотный ком корней –
 Быть может, только искаженье
 Реальности, чтоб сладить с ней
 Я мог в невидимом скольженье

Над бездною. Нельзя прозреть! –
 Такая травма родовая,
 Всечеловеческая, клеть
 Притворных предвкушений рая.

Культура – о! – она больна
 Была всегдашней этой тягой,
 Беременна! И вот со дна,
 От лона влажного на благо

Нам плод своих беспутных грез,
 Томлений, смутных вожделиний
 Сейчас протягивает: тени,
 Сознания анабиоз.

Ура, компьютерный мираж,
 Предел высоких игрищ духа!

Что до слона – до Бога аж
 В припадке солипсизма муха
 Вот-вот допрыгнет. Это наш!..

Наш мир, где иллюзионист
 Платон, Плотин-манипулятор.
 Плейбой вplyвает, металлист
 В ваш, вами вырытый фарватер;
 Вой безотзывный, дикий свист,
 Забвенья самостимулятор.

НА РУССКУЮ ДУШУ

Вот и есенинская цветъ
 Столетний юбилей справляет.
 Как пену *жолтую* воспеть
 Главы? – Ее он подставляет

Всем сострадательным рукам,
 Не только Мариенгофу Толе:
 Деревня, рубленый вигвам,
 Березки, с ватным снегом поле.

Тоска какая! – *A la russe!*
 И клюевская голубая
 Мечта. Ты подожди, – напьюсь –
 И стану отроком из рая,

Эфебом в шароварах, нет –
 В косоворотке Китоврасом.
 Жрец, европеец, маг, эстет,
 Гори в огне голубоглазом!

Как мы поддели гонор их,
 Оксфордско-кембриджские руны!
 Не я ли вечный твой жених,
 Дух, соблазненный статью юной?

Рвану тальяночку, прильну
 Зверенышем ручным, желанный.
 Ты только, дяденька, в вину
 Не ставь мне норов окаянный,
 Любя, не доверяй ни льну,
 Ни шелку – слишком скользкий, рьяный.

Будь здрава, русская душа,
 Себя не ведая, алкая,
 Дуря! Пусть нету ни шиша,
 Но впереди судьба какая!

Святая правда! Крепь и медь

Набатных звонов беспризорных
И нежелание взрослеть,
В конечных отливаясь формах.

И верно: так и спросу нет.
Лишь ожидаемый с Востока
(Какой? когда?) волшебный свет
Преобразит в мгновенье ока

Зародыш, преизбытком сил
Себя дурачащий, лукавый.
Твоей душевности отравы,
Простосердечия испил.

Не ты ли, соблазненный зверь,
Кровавым человеческим мясом
Питался? Ластишься теперь,
Тоскуя тайно по указам

Хозяина-поводыря, –
Вот-вот опять ощеришь зубы.
Как оживились душегубы,
Слепым томлением горя!

Вострепещи, германец, галл! –
Ни вас нам, ни себя не жалко:
Несется радостно в провал
Русь-птица-тройка-громыхалка.

Что ей, юродивой, что ей,
С утра наклюкавшейся снова,
Умом не понятой?! Излей
Благословенья Всеблагого

На эту грязь, на эту муть
Вины, не знающей усилья
Раскаяния, на чуть-чуть
Присыпанные мерзлой пылью

Поля, где до сих пор гниет
Плоть убиенного народа,
Где ржавой избранности йод
Глодает дряблая природа,

Где жизнь уже не подлежит
Восстановлению, но смерти
Все ж как бы нет: в стеклянной тверди
Кремлевский выкормыш лежит.

И потому круговорот
Приостановлен, обновленья
Не происходит – смотрят в рот

Полубезумцам поколенья,

Невоплощенного добра
Запасом хвастая, балдея,
Не понимая – кто я? где я?
Не помня завтра и вчера.

НА РАЗЛУКУ

Ерунда! Нет выбора никакого:
Вставь гребущим размякший воск
В уши, чтобы пенье услышать, слово,
Протекающее сквозь мозг.

Хорошо и страшно поют Сирены,
Завлекая на ребра скал,
Поволокой скрытых слепящей пены.
Но не слушаешь ты – устал...

А корабль глухой все равно на рифы
Налетит. Безымянный бог,
Исчерпав преданья свои и мифы,
Замыкает мир на замок.

Погуляли, побаловались, пожили
И довольно – пора, бай-бай!
Легкий трепет мускулов, сухожилий...
И неважно, что, будет рай

Или нет... Не сладившему с машиной
Сфер небесных, кривых зеркал
Эта вахта кажется слишком длинной.
И еще раз скажу: устал!

Посмотри, нет ниток уже, чтоб штопать,
И в прорехах любой лоскут
Не пространства – времени, въелась копоть
В каждый миг пребывания тут.

Я отказываюсь... Я останусь глиной,
Только глиной, хранящей след,
Быть не в силах связанным пуповиной
С ярой Бездной, которой нет...

* * *

Слава богу, что, когда трезв, нету жалости,
Нету той остроты, лишь тупое презрение
И к себе, в том числе и к себе, и к усталости,
И к надежде, терзающей, как наваждение,
Твое сердце периодами, теми самыми
Что теперь, слава богу, все реже случаются...
Ничего со своими вы все нотрами,
Санта-Клаусами и пасхальными яйцами,
Трубадурской любовью и школой афинскою,
Вечной женственностью и слезою пропойцы,
Социальною помощью и медицинскою –
Ничего, ничего все вы, люди, не стоите, –
Ни тоски этой мертвенной, ни откровения...
Лишь дожить, досидеть бы с железною маскою
На лице – до конца... до конца представления
Буффонады с глупейшей суфлерскою подсказкою.

* * *

Какое множество прекрасных лиц!
Как род людской красив!

Шекспир

Я вот тех двоих хотел бы из всего вагона...
Два часа, пока, раскачиваясь, медленно идет
Электричка, взгляд ворующий сползает неуклонно
Вбок – туда, где лен волос и глаз зеленых лед.
Ничего особенного, впрочем, но другие –
Все другие, господа, зачем они-то мне?!
Это плоти пластика? – Да полно – хирургия,
Клиника сплошная; леса месиво в окне.
А Миранда верит, глядя на супруга:
Род людской прекрасен, люди хороши.
Тем, кто любит, тем, кто так привязан туго,
Одного свидетельства хватает для души.
Это – если нежные, увы, ослабли путы,
Взгляд ошеломленный не заходит за предел,
Долго-долго тянутся раскисшие минуты
В лепящейся массе расползающихся тел.

* * *

Если нас кто-то любит, то это Бог зовет
К нам из глубин чужого сердца. Поди, попробуй
Тут уклониться! Но что-то преодолевает
В нас голос совести, жалости, даже злобы
На себя – за неспособность, за неуменье,
За пустоту, слова неловкие, смех натужный.
Если бы в духе! А так: сочлененья, звенья
Плоти несчастной, тебе-то совсем не нужной.
И не коснутся пальцы бесплодно ждущих
Шеи, руки, предплечья, и поцелуем
Не обожгутся губы... Для всех грядущих,
Любящих безнадежно, поведай струям
Зябким дождя по стеклу, запотевшему от дыханья,
Веток круженью, подхваченных ветром рваным,
Что бесполезны тоскующих душ старанья,
Не подкрепленные жаждущих тел тараном.
Словно они мешают одно другому
И не хватает духа крылатой силы
Вырваться за пределы, всему земному
Крикнуть: прощай, бесчувственный плен, постылый!

* * *

О справедливости тоскуя,
к Нему вопросы обращая,
в фантазии живописуя
картины ада или рая,
награды требуя и кары
у несговорчивого Неба,
землетрясения, пожары,
потопы, катастрофы – где бы,
когда бы ни случились, – в высшем
подозревая назначенье,
мы все не видим и не слышим,
знать не хотим, что жизнь течение
свое стремится вперед без цели,
что ей до нас и дела мало.
А если б так уж вы хотели,
чтоб истина торжествовала,
то у себя спросите: в силах
вы полюбить другого ради
его любви? О некрасивых,
увечных вспомните и кстати
о тех, кого вы предавали,
кого оставили трусливо,
кому... О, Господи! едва ли
Тебя тревожить справедливо.

* * *

После смертельной тридцатисемилетней черты
Чем развлечься пытаешься или отвлечься – ты,
Ты, мое тело, задавшее рамки душе,
Все осознавшей, не ужасающейся уже
Явным признакам умирания, остекленению чувств,
Скрытым болям, обнаруживающим неведомые узелки
Там, где раньше, казалось, был неощутимо-пуст,
Целен и однороден, анатомии вопреки?
Вот те подробности, что приносит опыт с собой,
Вот та внимательность, которой не избежать
Никому, никому... Что мне горний ангел с трубой,
Если завтра вялотекущая битва опять:
За скудеющие возможности двигаться и дышать,
Пить сколько хочешь и есть что хочешь, радоваться, любить,
Чем только можешь, ценя мгновение, утешать
Себя и разматывать дальше суровую эту нить.

* * *

Ты понимаешь, поздно быть счастливым,
На свете счастье есть, но не про нас –
Лови его с приливом и отливом
В кипящем море, словно водолаз
У Шиллера, а может быть, у Гете –
Не помню (но Жуковский передал).
С судьбой сводя безрадостные счета,
Шагнул за кубком в бездну – и пропал;
Точнее, нет – нашел сначала. Что же,
Что будем делать с обретенным им? –
Подале зашвырнем, чтоб подороже
Платить пришлось за поиски. Живым
Не хватит жизни, мертвым – черной грозди
Снов. Потому что только так, стремясь
За призраками, призрачные гости,
Мы с чем-то *здесь* нащупываем связь.

* * *

Если бы я родился не здесь, а, скажем,
Западной – в милой, перенаселенной,
«Скучной» Голландии с плоским ее пейзажем,
Гуманистическим, демократичным ражем,
Кожею всех цветов и любви законной
Спектром от голубого до – уж не знаю...
С тяжким и влажным дыханием океана,
С долгой историей, как бы подмокшей с краю,
Вяло бормочущей: Юлиана, марихуана...
Если бы я родился... жизнь просто стала,
Стала бы чем-то вроде морской разноцветной гальки:
В университете профессорствуя, вечерами тянуть устало
Вермут и в текстах чужих невзначай подмечать детальки, –
Было бы все доступно, просто и несерьезно,
Даже любовь, как поездка в Венецию или Ниццу,
Даже любовь, даже счастье, без этой тоски венозной,
Без невозможности этой сладостной осуществиться.

* * *

Морская свинка Люська: год и два
Еще ей жить в тазу своем, где стружки
Древесные, любимая трава,
Да зернышки, да стебельки петрушки;
Жевать и спать; заслышав, как кульком
Зашелестят, – кричать, своей усатой
Мордашкой тычась вверх, и ни о ком,
И ни о чем... ни в чем не виноватой
Остаться. Мы ее от лишая
Спасли, и вот довольная свинья
Подаренные коротает годы.
Зачем? Когда ее не станет тут,
Что будет значить наш нетрудный труд,
Ей пару лет урвавший у природы?
Потом куда же? – В свой свинячий рай?
Там злаки, травы – только выбирай!
Я верю, что у Бога и для малых
Сих в вечности припасены места,
Как и для бабочки, для чахлого куста,
Для наших чувств, для наших дум усталых.

* * *

В том усыплении, которое наводит
Дождь, как чертеж, штрихующий наш сад,
Мои фантазии тоскуют по свободе
От всех, кого любил, кому назад
Дороги нет; но все же в снах, но все же,
Когда сознание, как лодку, отвязать
Не можешь в забытьи, они тревожат
И словно что-то силятся сказать.
Зачем? Куда лепечущих созданий
Тех невозвратных чувств, миров иных
Девать? Ведь не открыться старой ране,
Чтоб утолить живую кровью их.
Как комары: прилипчивее, гуще
Над изголовьем кружатся моим.
И смутной памяти, тоске кровососущей
Все еще кажется: я что-то должен им.

СНЫ О ЯБЛОЧНОМ ГОРОДЕ*

1

... Так что впечатления
 Не из жизни этой:
 Лётного томления
 Под крылом полсвета,
 Оставляя ниже пласт
 Облаков лежалых.
 Но и память не отдаст
 То, что убежало.
 Я родиться мог бы там –
 Там, за поясами
 Временными (по пятам
 Всё идут за нами),
 В этом сне, как водоем,
 Солнцем подогретом,
 Том, который мы зовем
 Странно: Новым Светом.
 И тогда бы этот пыл
 Простодушно-ярой
 Юности твоим бы был
 С корочкой загара.
 И тогда не знал бы ты
 То ли гнета, то ли
 Старой крови густоты,
 Все впитавшей соли.

2

Здесь не одна, а двадцать, тридцать башен Нимврода,
 Оттого, вероятно, такое и языков смешенье
 Черно-бело-оливкового (иногда голубого к тому же) народа;
 Шорты, ролики, пиджаки, прегрешения, украшенья...
 И когда крокодил-лимузин шестидверочный застревает,
 Выползая на Пятую авеню, и блеклое гаснет «Don't walk»,
 Я поверить готов, что жизнь в самом деле бывает
 И такой, какую хотел бы придумать (но вынести вряд ли бы мог).
 Тем свободнее здесь, тем хмельней... В изобилии этом
 Выбирать соответствующую ячейку не надо себе,
 Лишь смотреть, лишь дышать охлажденным и сразу согретым,
 Приноравливающимся воздухом к праздной ходьбе.
 Посмотрите: ничто ничему не уступит – и кажется, нет никакого
 Центра, полюса притяжения, поля, «великих начал».
 Так коралловый риф формируется, к слову находится слово
 И кончается счастье, которого не замечал.

* Яблоко – символ Нью-Йорка.

3

Вот что я понял, бродя по Бродвею,
 Взглядом скользя по витринам, по лицам:
 Да, этот город и вправду столица
 Мира, с всей жаждой и жадностью всею.
 В будущей жизни хотел бы родиться
 Здесь, но о нынешней не пожалею.
 Так уж легла она листиком прелым
 На петербургский асфальтовый глянец,
 Что оглянуться душа не успела,
 И потому я теперь иностранец
 В этом скалистом гнезде, где пригрелись
 Нации каждой свои кукушата...
 Знали бы вы, что за дикая прелесть
 В черных громадах на фоне заката,
 Небо прочесывающих гребенкой,
 В варварском гомоне и многолюдстве
 Улиц, в нежнейших, обернутых пленкой
 Холоде, чопорности, распутстве,
 В этом уюте каком-то стеклянном,
 В этом отчаянии спокойном,
 В воздухе пряном и чуточку пьяном,
 В хаосе? – да – эклектически-стройном.
 И никому – ни поблажки, ни скидки,
 Ни преимуществ ума и таланта.
 Брошены в ночь Ариаднины нитки
 Каждой безвинной судьбы варианта.
 И все равно что там: деньги ли, слава,
 Мусорный ящик, подземки вагоны, –
 Спекшиеся воедино, как лава
 Жизни, текут и текут миллионы.

4

Все привилегии отменены:
 Просто – родиться, жить, умереть.
 Нет у бессмертия, славы длины,
 Нет ширины, не предвидится впредь.
 Как ни вытягивай вертикаль
 Башни, пронзающей облака,
 Гордый бетон этот, гордая сталь –
 Только пока!..
 Только пока твое сердце тук-тук,
 Впрочем, как все, что, не зная цены
 Собственной, канет когда-нибудь вдруг.
 Отожествлены
 Все мириады жизней-смертей;
 Чувствуешь: это и есть твой глоток
 Вечности, скармливающей детей
 Собственных времени (если виток

Не закорочен его, не зажат).
Разве чего-то еще нас лишат?..

5

Вот самозабвенно: черный, белозубый,
С плэйером, в наушниках и на коньках
Роликовых... Что ему Гертруды и Гекубы,
Кисти драгоценные в немеющих руках!
Рядом «Метрополитен», хранящий бижутерию
Духа всех народов и эпох.
Только в чью-то призванность и избранность не верю я –
Этот мой, балдеющий, чем плох?
О, пускай, блистая, золотая нитка тянется,
Проникая в тайное шитье
Времени отмеренного. Кто-нибудь поранится,
Ненароком тронув острие.
Но ничто ничем не заменимо – лишь наложена
Эта жизнь на ту: невдалеке
Вспыхивает, гаснет, куролесит, ест мороженое,
На коньках несется по дуге.
Кончится, конечно, но смотри скорей, как пойманный
Взгляд движенье торса ловит, плеч,
Шеи... Так на килике с аттическими воинами
Юноша шагнул, сжимая меч.

6

В «Метрополитен» мне смотреть Ван Эйка
Пара глаз мешала, волос оправа,
Пара стройных ног и слепая змейка
Ремешка, болтающегося справа,
В двух шагах, – и дальше, опережая,
Отставая, шел по притихшим залам;
Даже в лифте с первого этажа я
Поднимался рядом к Голландцам малым,
К беспробудной дымке Коро, Эрота
Плутоватой улыбке – белее мела,
И подружка Дельфтца вполоборота
Понимающе на меня глядела.
Вот и все! Подсолнухов увяданье,
На века растянутое Ван Гогом,
Озаренье кисти, восторг ваянья –
Вам о главном печься, а не о многом...
Только главное-то – оно, как эти
Растворенные в брызгах фонтана стразы
Солнца.

Так ведь и не заметит,
И уже не будет другого раза.

7

Хорошо мне было: ходил один
 Целый день по залам – от полотна
 К полотну, любимых своих картин
 Узнавая облики, как со дна
 Доставая камешки – цвет не тот,
 И размер иной, и деталей ряд
 (Репродукция или память врет?).
 И мадонны тайно кривили рот,
 А апостолы отводили взгляд.
 Но мне было весело, словно их
 Я застиг с поличным, свой строгий вид
 Принимающих – из дверей пустых
 Так и ждущих зрителей...

Статуй, плит,

Ваз, доспехов, кресел, надгробий, стел
 Весь музейный вылощенный развал
 Я, представьте, вежливо осмотрел
 И еще ходил бы, да вот устал.
 Вот устал... Все канет, все под стекло
 Ляжет или же просто в пыль
 Распадется: Дюрер, Латур, Калло,
 Торс Гермеса, глиняная бутылка
 Из каких-то афро-азиатских стран,
 Из ушедших в землю веков сырых...
 Но сейчас, во-первых, мне этот дан
 День и все, что в нем, во-вторых!

8

Это и есть Атлантида, грезившаяся Платону, –
 Всплывший, глубоководный остров ли материк,
 Из ничего возникший, брат водяному лону,
 Город – еще подросток или уже старик? –
 Так размахнуться можно, лишь не подозревая
 О стерегущих где-то ужасе и конце. –
 Мир от Кореи Южной сливший до Уругвая,
 С варварскими чертами времени на лице...
 В парке Центральном, там, где роликовые пары
 Крутят свой ежедневный пестрый кордебалет,
 Шепчешь: «Все флаги в гости к нам будут...» Милый, Старый
 Свет – только остов мысли, будущего скелет.
 И почему-то здесь мне вспомнилось, как шумеры,
 С умершим и собаку верную хороня,
 Клали ей мозговую косточку... Сколько веры,
 Сколько усилий! – Толща выпластована, броня!
 Что ж, поплавок качайся, вытолкнутый из мрака,
 Над задремавшей бездной, тяжесть ее прорвав.
 Юным таким, высоким, стройным нужна отвага,

Сказочное везенье и незлобивый нрав.

9

Что-то есть минойское в рекламе,
 Кносское – в «крутых» особняках,
 В подростковой жизненной программе:
 Взмах весла, строительства размах.
 Знаю вас, пловцы-островитяне,
 Рыбками застрявшие в веках.
 Бабочки на фресках, осьминоги
 На сосудах с горлышком – грибок,
 Мотоцикл быкастый, круторогий,
 Детские прирученные боги,
 Вскормленные козьим молоком.
 Жизнь удобней, праздничней не может
 Быть, самоуверенней, нежней –
 Так и льнет к загаром взятой коже,
 Не интересуюсь, что под ней.
 Впрочем, разве что-то есть дороже
 Глянцем счастья ослепленных дней?
 И, конечно, шорты к долголетней
 Юности. Конечно, ледяной
 Оранж-джус. Не первой, не последней –
 Стать одной-единственной страной!
 Спи покамест в теплой дымке летней,
 Не тревожась долгой тишиной.

10

Это рай, впрочем рай, где нас нету, –
 Метрополитен-парадиз,
 Не Гудзон обнимающий – Лету,
 Сверху смотрящий, сверху вниз.
 Не плывите сюда, не летите.
 Счастье – лишь недолет, перелет.
 Так на Фере, на призрачном Крите
 Жизнь нездешняя фреской живет.
 Можно только мечтать и стремиться,
 Лишь альбомчик мусолить цветной.
 Эта нация-отроковица –
 Новый Свет или просто иной.
 За Геракловыми столпами,
 Там, где сходятся ночи пути,
 В Массачусетсе, в Алабаме
 После встретимся, после... прости!

* * *

Но что там дальше – там, за пониманьем,
За отвращением, с которым жизнь свою
Рассматриваешь, мертвым изваяньем
Застрявшую в немыслимом краю
Несбывшихся порфирородных планов,
Надежд, под диадемою тройной
Предательски отравленных, туманов
Блистательных... за той глухой стеной,
Обязанной стыдливому презренью
Возникновеньем, боли неживой...
Что там – за той чертой, за жалкой тенью
Души, воочию узревшей облик свой?..

Там... там поэт на быстром пироскафе,
Стремительно летящем, как Эол, –
Куда? – К Ливурне, к Метилене, к Яффе?
За горизонт, за край всех бед и зол?
Там – видишь! яркий парус белокрылый,
Там смысл опять подхватывает нить,
Там что-то знают...

Почему-то силы
Лишь не хватает это пережить.

Exegi monumentum

Мой памятник – он здесь. Быть может, крепче меди
И выше пирамид в веках запечатлен,
Но эфемернейшим из всех земных наследий
Был и останется стоустой Музы плен.
И вот прозрачная, незримая громада
В проточном воздухе плывет, растворена,
А ты не ведаешь, дыша, – да и не надо...
Все племена земные, времена
Проходят сквозь пространство смысловое,
Не замечая линий силовых,
Ни плача Муз, ни пения, ни воя,
Не чувствуя, куда уводят их.
Пусть назовет язык, хоть и не всякий...
Ты друг мой – мой, а не степей, не рек,
Не тундр тунгусских, тонущих во мраке,
Не внук славян, не финн – но человек.
Затем, что всем нам кануть, раствориться,
Всем захлебнуться этой пустотой,
Где словно что-то есть и что-то длится:
Неосязаемый, растущий звук литой.

* * *

Не происходит полного выкладывания:
Словно заторможен
Стих – в недрах копошащийся термит.
Не вынимается – увы! – как сталь из ножен,
Мысль по желанию, и ветер не стремится
К брегам иным фантазии бумажный
Кораблик. Я и рад бы – но сейчас...
И в жизни самый искренний и важный
Признанья миг зависит не от нас.
Не поторопишь ангела минуты
Единственно необходимой, той,
Когда сошлись дороги, спали путы –
И говоришь, понятный и простой,
Как шелест листьев сумеречных или
Как ночи гул, как свежий скрежет льда,
Как тот, кого нежданно отпустили
На все четыре стороны. – Куда?

* * *

И то, что пишу, – не игра и не творчество даже
И вне специальной уже не преследует цели.
Мне просто иначе не выдержать жизни, на страже
Стоящей тоски, запоздалой любви на пределе.
Как для диабетика ежедневный укол инсулина,
Как для наркомана со стажем привычная доза,
Стихи эти – в сущности та же библейская глина...
Быть может, Господь себя просто спасти от невроза
Пытался, творя косяки прямокрылых созвездий,
Зверей полевых, до небес восстающие горы?
Не хочется сравнивать... Просто с годами все вместе
В душе собираются и ведут бесконечные споры
Мечты обманувшиеся, в никуда ожиданья
Направленные, потерявшие смысл отношенья,
Какие-то в школе еще невыполненные задания,
Боль первой любви и хмельной холодок утешенья.
Я перебираю, как камешки, годы и лица,
И то, что порвалось бездарно здесь, остановилось,
Так бережно, соединяя, веду по странице,
Чтоб жизнь, оглянувшись, себя наконец устыдилась.

НОВЫЙ ВЕК

* * *

Ни знамен ее, тысячелетних побед,
Преподавших соседям кровавый урок,
Ни сибирской тайги, где теряется след
Нескончаемых рек и шоссейных дорог,
Ни березовых рощ, ни ковыльных степей,
Ни бескрайнего Крайнего Севера льдов,
Ни озер – зачерпни лишь ладонью и пей! –
Ни крестов золотых, ни громад городов,
Ни народа с тоской его, пьяной слезой,
Безотказностью, детской обидой на всех,
Льном волос и небесною глаз бирюзой
(Миф, конечно, но миф, как и сказка, – не грех
И не ложь), ни претензий на будущий рай,
Ни надежд, даже к звездам совавших свой нос,
Мне не жаль... Так и быть, вороши, разбирай
Этот треснувший, рухнувший навзничь колосс.
Если так виноваты в своей слепоте,
В неумении жить, в нежелании знать,
Если просто не те мы – мы просто не те! –
Значит, надо платить, уходить, вымирать.
Но молю, всем, что есть, всем, что было, – велик
В милосердье Своем и терпении Ты, –
Все забрав, сохрани только этот язык
От презренья, забвения, от немоты.

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

И двести лет, и двести пятьдесят,
И триста, может быть... А через десять
Тысячелетий?.. Будущим изъят
Любой из нас... И что расчеты эти
На славу вечной пробы, на – пускай
Нерукотворный – памятник бессрочный!
О, не обманывай себя, не увлекай:
Мы все в реке забвения, в проточной
Воде минутной жизни. И живой –
Поэт для нас, одною с ним судьбой
Повязанных, Россией, силой чудной
Взлелеянного вьюгой языка.
И лиры звук доносится, пока
Есть слух понятливый и разум правосудный.

* * *

Что же, в самом деле, я не дерево с влажной кроной?
Я хочу только быть и не знать ничего об этом,
О своей душе, измученной, незаконной,
Погруженной в мрак, породненной с минутным светом.
Почему я не одно из тех бессловесных созданий,
Для которых дни за днями безвременной вереницей
Протекают, и смерть не страшна, и не жалко ничьих страданий,
Почему не дано родиться было бабочкой, или птицей?
Или жуком навозным, самым последним, блеклым
Стеблем в степи, обеспамятевшей от зноя,
Или дождем, безучастно пускающим змей по стеклам,
Или... да чем угодно, о Господи! – лишь в иное
Что-нибудь существованье мое вмести. И ни знания,
Ни вины, ни любви непосильного бремени, ни упрека...
Потому что так даже право на небытие, оговоренное заранее,
Отнято, понимаешь, отнято...
Смилуйся, ради бога!

* * *

В черном зеркале смерти увидев себя наконец,
Обретаешь спокойствие – смотришь на все издалека.
И неправда, она не косарь, ни, тем более, жнец –
Все колосья повысыпались уже здесь, до последнего срока.
Просто мусорщица – прибирает оставленный хлам
Гениальных прожектов, высоких страстей, озарений,
Вечных истин, о коих буддизм, христианство, ислам
Всё толкуют, теряясь в бурьяне своих построений.
Я устал, понимаешь, смертельно устал от себя.
Ни одна из надежд к становому стволу не привилась
Этой жизни. Душа, негодуя, жалея, любя,
Так стремилась куда-то, но, выдохшись, остановилась.
Оказалось, что всё – только сор лепестковый, с ветвей
Ветром сорванный, вьющийся белою, розовой вьюгой.
И не жалко. И как-то неловко. И хочется лишь поскорей
Заслониться густой темнотой, немотой, пустотою упругой.

* * *

В молодости любовь еще не знает масштабов
Жизни, а главное, смерти, не знает ее габаритов,
Ни подводных течений чувства, ни выбоин и ухабов
Обремененной совести, ни выдачею кредитов
Занятого уязвленного самолюбия, ни мельканья
Перед глазами своих и чужих отгаликивающих примеров...
Но главное, повторяюсь, главное – это незнанье
Помалкивающей смерти, реальных ее размеров.
А она прорастает медленно, пуская свои побеги,
Черным кустарником заполняя душу.
Нежности златоволосый цвет переходит в пегий,
Шепот признаний пылких делается все глуше.
Но несмотря на это, легчая и цепенея,
Сердце соразмеряет с бездной удары строго,
Там, на краю, где все тени делаются длиннее
И для расставания больше нету уже предлога.

* * *

Странно, так тебя ждал, так тобой надышаться не мог...
Что в разлуке другой? – Утаенного счастья залог.
Он живее живых, он отбрасывает свою тень
На увязший почти целиком в ожиданиях день.
А приедет – вот радость! Но *радость* стоит и сидит,
Наливает свой чай, и о разных делах говорит,
И обнимет, конечно, как водится – с лаской слепой,
Но не может никак все пространство заполнить собой.
Жизнь, наверное, слишком огромна для маленьких тел,
Наши прячущих души. Я так тебя ждал, так хотел,
Что теперь оказалось: не знаю, как быть с тобой. Что ж,
Вот уедешь – опять, разрастаясь, всю память займешь.
Знаешь, смерть, как разлука, всегда укрупняет масштаб.
Знаешь, я и любить бы не мог столь непереносимо, когда б
Не они, стерегущие, под поволокой своей
Тебя делающие еще драгоценней, живей.

* * *

Это тот, кто любил *невозможно*,
Эллинско-царскосельский поэт,
С непроглядной тоскою подкожной,
С вечной жалостью к тем, кого нет
Или скоро не будет, к природе,
Что цветет, умирая во сне,
К блику света, к слабеющей ноте,
Той, что нынче так внятна и мне.
Никому, никому до рассвета
Не понять, забывая свой страх,
Как, рождаясь, немеет все это,
Цепенеет в случайных телах.
И бросают их, как в лихорадке,
В мир одно за другим, не любя,
Не заботясь, а все ли в порядке,
Опознать не давая себя.
Кто ты, вышедший неосторожно
В ослепительный гибельный круг?
Так же веришь, как он, – в *невозможно*,
В нежность дальних, несбыточных рук?

* * *

А потом они перестанут писаться
Сами собой, так же как и пришли.
Что там делается в голове – разобраться
Невозможно. Но только уже на мели
Вдохновенья корабль стопарусный, сильный,
Хоть и пливший, скорее всего, в никуда.
И останусь с тоской я своей замогильной
Всех ничтожней, как сказано было, – да, да!
А, забывшись, какими стремится путями
Дух, мечтающий сущее словом облечь,
Словно вправду такая есть область над нами
Тайных вздохов, невнятных признаний и встреч?
Если был там и слышал, то значит ли это
Что-нибудь? Я не знаю... Взыскующий глас,
Шепот ангелов или возня до рассвета
Беспокойных соседей за стенкой у нас?

* * *

У меня два сердца, а не одно,
И так странен двойной их стук. –
Он других пугает. Запрещено
Здесь иметь больше пары рук,
Больше пары ног, больше пары глаз,
Больше одного языка,
А уж крыльев – и вовсе нельзя. Как раз
Тут застучали дурака:
Он пытался ветру подставить грудь
И взлететь выше крон и крыш.
Если ты такой, обо всем забудь –
Сердцем с сердцем поговоришь.
Оттого я и понимаю вся,
Оттого избегаю всех.
Незаметно так в темноте скользя,
Свет двойной звезды или грех
Достигает дальних отрогов гор,
Лижет пену морской волны.
А в груди двоящийся вечный спор
Тех – винящихся без вины.

* * *

Главное, что, и теряя, отчасти спокоен теперь.
Все приедается в круге слепых повторений,
В той череде нескончаемых жалких потерь,
После которых в душе поселяются тени
Прежних надежд. Сколько раз я уже умирал...
Даже смешно, что опять после этого нужно
Будет на бис сигануть в леденящий провал,
Словно с трамплина, и брызги посыплются дружно.
В общем, довольно уныло задуман и осуществлен
Жизни проект – разболтались штифты, шестеренки.
Это особенно как-то заметно, когда покупаешь батон
В булочной или монетку кладешь в руку бабки, стоящей в сторонке.
Впрочем, что жаловаться – все равно запасного-то нет...
Газ зажигая, ломаешь трухлявые спички,
Смотришь в окно, залезая в кровать, гасишь свет,
И если даже отчаиваешься, то больше уже по привычке.

* * *

Теперь, когда во сне природа умирает,
Ты каждым утром мерзнешь, выходя
Во двор, спеша до дальнего сарая
Под медленными струями дождя.
Ну вот – принес дрова. А за окном упорно
Гнет ветер кроны, ворошит кусты.
Земля становится холодною и черной,
И воды речки, яркие, пусты.
И в сердце что-то тоже цепенеет,
Но наяву, а не в глубоком сне.
Лишь человек напрасную имеет
Способность знать и чувствовать вполне.
Зачем, зачем?! Как бабочка бы – проще:
Игра сегодня бархатная крыл,
А завтра легкий серый остов тощий,
И был ли не был твой полет – забыл.

* * *

Меньше всего почему-то я о тебе
Думаю напрямую, хотя, быть может,
В этом запое, в моей стиховой алчбе
Ты-то как раз и есть тот фактор, который множит
Строки, тайно сопровождая мысль, учащая бег
Сердца, но я бы хотел сейчас отдохнуть немного.
Все-таки было бы правильно, если бы человек
Только на Бога надеялся, только на Бога.
Так что прости. И любящую порой
Душу надо оставить в покое на всякий случай.
Тогда-то и заполняет сознание высокий строй
Ни в ком и ни в чем не нуждающихся созвучий.

* * *

А были Коншин, Тепляков, Туманский...
И между прочим, очень хороши.
Какой же малости, удачи хулиганской,
Свободы не хватает для души,
Что нас Жуковский, Пушкин, Баратынский,
А не они смущают и влекут
Роскошной ночью южной, песней финской
И чистым гением, лишь промелькнувшим тут?
Таланта? – Я не знаю, что такое
Талант, хоть он у них конечно был.
Друзей и книг? досуга и покоя?
Издателей? шумящей славы крыл?
Быть может, просто честолюбья, воли,
Характера дурного, остроты,
Маниакальности, заикленности что ли...
Как знать, любые домыслы пусты
Теперь. Но, судьбы двигая по кругу,
Распорядилось время ими так.
Я оглянусь, протягивая руку
Туда, назад – в необозримый мрак,
Как будто там продолжилась работа,
И все еще подправить жребий свой
Пытаются, и что-то пишет кто-то,
Опять охвачен страстью стиховой.

* * *

И вечный рай, и вечный ад лишь тот
Придумать мог, кто вечности не знает.
Спроси у звезд, бездонный чей полет,
Смутясь душою, каждый наблюдает,
У пустоты, несущей их лучи
Из необъятной, беспредельной дали...
А не ответят, лучше помолчи.
Их век сочтен: зажглись – и отпылали.
Лишь нам, которым десять тысяч лет
Рисуются необозримым сроком,
Казаться может, что прощенья нет
Каким-то преступленьям и порокам,
Что вечность выдержат и чистота и грех,
Что Бог казнить лукавых не устанет,
И что нас примут всех, рассудят всех,
И бездну времени тот правый суд обманет.

* * *

Этим летом такие прозрачные дни. –
Стеклодув словно яркие вазы
Выдувал, их гранили. И где же они –
Неужели разбили все сразу?
Я так думаю, где-то есть шкаф потайной,
Куда время все-все составляет.
Там и утро с утоптанной солнцем стеной,
И мое где-то детство гуляет,
И расчерчен лазоревый купол небес
Остриями стрекоз слюдяными...
Да к несчастью, хранитель всех этих чудес
Никогда не любит ими.

* * *

Что-то мне без тебя не живется, не пишется,
Мысли сами собою к тебе норвят
Упорхнуть. И из города взятая книжица
Остается вторую неделю подряд
Нераскрытой. Я сплю, изнываю от жгучего
Солнца, снова дремлю, вечерами брожу
По деревне. Совсем меня это измучило –
Только думаю: встречу как, что расскажу!
В огороде у тыквы цветков канареечных
Тьма. Гудение медленных пчел.
И серьезней всех замыслов, планов копеечных
То, чего, как мне кажется, я не учел:
Жизнь когда-то подходит к черте, за которую
Невозможно уже выбирать, торопить
Неспокойного счастья повозку нескорую.
И терпеть остается и просто любить.

* * *

Осень - огромная мертвая рыба,
Мокрой листвы чешуя...
Перебрались бы мы, если могли бы,
К югу, в иные края.
Розы декабрьской цветение, Крыма
Оранжевая клетка,
Море, манящее невыносимо, –
Только б ходить и смотреть.
Ах, ни Парижа, ни вечного Рима –
Жить бы здесь и умереть.
И император последний, лишенный
Трона, сюда наконец
Скрыться мечтал, где стоит отраженный
Ласковым морем дворец,
Где ливадийские сосны ступени
Верно от зноя хранят,
Где в забвении своем робкие тени,
Нет, никого не винят.

* * *

Кончающееся лето
Не думает ни о чем.
Скудеют потоки света,
И ветер ожесточен:
Он с ветки сбивает метко
Росы искрометный прах,
Пока еще держит ветка
Все листья в своих руках.
Но гаснет уже зеленый,
Подернуты желтизной
Акации, липы, клены
И плети травы сквозной.
Какое-то помраченье
На сердце. Который год
Забвенья и облегченья
Мне лето не добавляет.
А я словно жду упорно,
Что в августе сам собой
Тот неотвратимый, черный
Круг даст невозможный сбой.

* * *

Гениальность – банальна, нет никакой новизны
С точки зрения содержания: «Жили-были...»
Взять ли Пушкина или Лермонтова. С другой стороны,
Откровения и в Бенедиктове находили.
Истина одна была всегда. Не глупей
Нас Сократ или даже какой-нибудь Марк Аврелий.
И молитв, возносимых к Богу, и эпопей
Столько создано, что непонятны цели
Дальнейшего накопления свидетельств – все об одном,
Все об одном и том же, настойчиво, страстно, гневно.
Впрочем, если истина – хлеб (а еще, говорят, с вином
Ее сравнивают), она нужна ежедневно.

* * *

Что лед разбить возможно для форели,
Когда она упорна...

Кузмин

Я тоже верю: лед, когда упорна,
Форель пробьет. Так будет. Но потом,
Потом ведь – ночь. А мерзлой ночью черной
Опять затащит лунку свежим льдом.
Здесь холода такие, здесь такое
Оледененье! Что ему напор
Твоей души, не знающей покоя,
Живого с неживым упрямый спор
И вечного с минутным и текучим?!
Ведь он заранее проигран. Разве ты
Не знаешь? Так и любим, так и мучим
Себя, и боремся, и нарастают льды.
Бессмысленно? – да. Неизбежно? – тоже.
И плоть живая будет в глыбу бить,
Доказывая: вечности дороже
Потребность обреченная любить.

* * *

Пора заканчивать. И кажется, что тень
Ложится на тебя от этой фразы.
Сегодня наш последний летний день
На даче: вещи, разные припасы,
Которые с собою взять должны...
И не обобраны еще кусты калины...
Но там, под суетой, утаены
Такой тоски немотствующей вины,
Что лучше уж ее и не будить.
На небе ярком, как назло, ни тучки.
Осенний ветерок, смиряя прыть,
Картофельные очищает кучки
От пыли. Просто никогда не мог –
Как та, что глыбой соляной застыла, –
Не оглянувшись, перейти порог
И бросить в прошлом все, что было. Было!

* * *

Потому и вечернего солнца неяркого
Для меня упоителен свет поредельй,
Что душа после дня иссушающе-жаркого
В приумолкшем саду отдышаться хотела.
И мелькание ласточек в небе темнеющем,
И невольное ветки ольхи колыхание
Так отрадно и успокоительно. Где еще
Будем счастливы? Впрочем, я знаю заранее:
Там, где нет н и ч е г о , а не только нас, любящих
И боящихся будущего одиночества.
Облака в бело-сизых разметанных рубищах,
Где же вы? Небосвод словно выметен дочиста,
Так синееет тяжелым стеклом застывающим,
Так лучами искрится последними, плещется,
Что и нам, назначения не понимающим
Этой жизни, она неслучайной мерещится.

* * *

Вплотную жизнь приблизилась к смертям
Родителей. И за чертою этой
Мир станет, кажется, на ощупь холодней,
Забудутся веселые минуты
Прощения, доверчивая жалость
Не станет больше в гости заходить.
И, глядя на взрослеющего сына,
Все будешь думать: так ведь и не спросит...
А, собственно, о чем? Не знаю... Мы
Спросить, по крайней мере, не решились.
Дела спешили, обрывая нить
Докучливого часто разговора,
Слова, опережая пониманье,
Казалось, предугадывали смысл.
И незаметно опускало время
Стыдливые глаза. И тот вопрос,
Тот самый главный, тот невыразимый
Незаданным доселе остается.
Но замерший ответ поцеловать,
Боюсь, в последний раз придется скоро.

* * *

Я дожил наконец до времени, когда
Воспоминания приобретают цену:
Вдруг извлекаются из прошлого года
И приглашаются на призрачную сцену
Знакомцы давние. Но как уныл и вял
Их круг разрозненный. Мне негде развернуться.
Когда бы раньше я мог знать и понимал,
Что вот – в итоге лишь они и остаются!..
Друг, с юных лет, от самых первых дней
Усердно возвращай для памяти поживу.
Не будущим живи – оно тогда полней,
Когда обратную имеет перспективу, –
Затем что бывшее однажды оживет
И все любимые, друзья, до самой ночи
Гулявшие, заглянут в свой черед
Шепнуть привет или закрыть нам очи...

* * *

Ни Блок, ни Анненский, ни Фет, ни Мандельштам,
Ни Пушкин... Всех всегда переживают жены.
Один Орфей в тоске все так и бродит там,
Где Эвридики след на почве обожженной
Теряется. И ты меня, не надо, – не пугай,
Что ускользнешь, что не дождешься срока.
К тому ж не греки мы: а ну как кто-то в рай,
А кто-то в ад навек? Не слишком ли жестоко!
И вот теперь, когда лежишь и стонешь ты –
Давление опять и спазм, я цепенею.
Все сгустки ужаса, все клочья темноты
Сошлись, и боль, и что-то там за нею
Скрывающееся, о чем и толковать
Нельзя. Сижу с тобой, держу сухие руки.
И лодкой черною мерещится кровать,
Скользящей за черту последнюю – разлуки.

* * *

Видишь ли, все-все – все, о чем мечтал,
Все, чего хотел,
Время, так же как ржавчина металл,
Как старенье тел
Нашу плоть, возьмет. Вот и я забыл
На исходе дня:
Все, чем так страдал, все, что так любил,
Было у меня?
Кажется, что там, в водной толще лет,
В смутной глубине,
Есть все то, чего не было и нет,
Но так нужно мне.
И теперь назад, обращая взор
(Что там, за межой?),
Тихо, не дыша, копошусь, как вор
В комнате чужой.
Это просто так, это ерунда,
Это о душе...
Было или нет? – пусто, ни следа,
Ни к чему уже.

* * *

Рассказать тебе про Париж?
Ты в нем не был, а я был лишь
Восемь дней в сентябре – тех дней,
Что всех прочих в году грустней.
Начинает ржаветь листва
На каштанах, скудеет свет.
Замерев на краю моста,
Опираясь на парапет,
Долго смотришь, как Сена мнет
Складки волн за кормой баржи.
Вот и все, что с собой возьмет
Память в отчие рубежи.
А еще – как прожектора
Ночью свой затевают пляс
И до самого до утра
Праздник сопровождает нас.
Никогда уже – знаю я –
Беззаботно не будет так.
И ползет по воде змея,
Ускользающая во мрак.

* * *

Всю жизнь прожил, как будто около
Ходил чего-то, что-то ждал,
Спирало горло, сердце екало,
И тайный голос убеждал,
Что все еще случится, сбудется,
Придет любовь по уговору,
Протиснется в ушко верблюдица,
И с места верой сдвинешь гору...

А что теперь, гуляя вечером
Сегодняшним и предыдущим,
Мне ждать в унылом, опредмеченном
И как-то сжавшемся грядущем?
Оно идет походкой воина
И занимает оборону...
Зато, как инструмент, настроена
Отныне жизнь по камертону:
Минуты каждой замирание,
Придирчивая радость взгляда –
Как будто все уже заранее
Сбылось и больше ждать не надо.

* * *

В одной горсти две плещущихся рыбки,
Одно и то же уст дыханье пьем.
И лишь ночной блуждающей улыбки –
Увы – не вижу на лице твоём.

Не слишком ли ты, счастье, запоздало?
Мятежной кутерьмой не дорожа,
Мне все же одного *согласья* мало,
Желает быть желанною душа.

Не путаешь ли? – Да, душа и тело.
А впрочем, как разделишь их сейчас,
Разъединишь... Когда бы ночь хотела,
Когда бы ночь сама хотела нас! –

Тогда... Но тсс... Поправлю одеяло
И напоследок к жаркому виску
Прижмусь. Пусть сон охватывает, вяло
Бубня, мою счастливую тоску.

* * *

Владимиру Паршикову

Уже без лиры, на границе двух
Пространств – слепящей тьмы, сухого света...
Мы все когда-то превратимся в слух,
В последний взгляд, в теряющийся где-то
В долинах мрака отблеск. Да – увы! –
Не различить погасшей Эвридики.
Здесь глухи звуки, запахи травы
Сильны, печальны тени, скалы – дики.
Куда же мы попали под конец,
Твердя мотивчик бодренький, веселый?
И ты молчишь подавленно, певец...
Уста, что медом наполняли пчелы,
Теперь какую горечью полны
Невысказанной нежности, вины!

ВЕЛИЧКА

Как мы долго спускались – ступень за ступенью
В соляные провалы земли,
Со своей соревнуясь мигающей тенью,
И все ниже и ниже вели

Переходы подземные. Света скольженье
По блестящей в наплывах стене
И соленого воздуха легкое жженье
В горле – так и запомнилось мне.

Ну а там нас встречали волшебные гроты,
Храмы, словно из серого льда.
То, что в царстве Аида такие работы,
Не подумал бы никогда.

И быть может, напрасна тоска по разлуке?
Эвридика, оставшись, права...
В этом мире, где блики контрастнее, звуки,
Где чуть кружится голова.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ФРЕСКИ

I

Только и может мечтою быть,
 Чтобы, доставшись, игрушкой стать...
 Сон: по Большому каналу плыть,
 Плыть бесконечно – и не устать.
 Где и колонны качают-ся
 В такт невысокой, ручной волне,
 Где небеса не кончают-ся,
 Как и цветы на стене.
 Ты – и утопленница давно
 И повелительница морей.
 Гондолы веслами щупают дно
 От дверей до дверей.
 Так я все это и представлял,
 Даже чуть разочарован был:
 Ветер на Пьяцце, влажен и вял,
 Голубей теребил.
 Впрочем, конечно, когда б тебе
 Я посвятил бы дней пять иль шесть!..
 Смысл в любопытствующей ходьбе
 Есть.
 Или же лучше оставим так:
 Хрестоматийней, чем ад и рай,
 Словно сусальной мечты маяк,
 Издалека сияй!

II

Не Адриатикой, ленивою волной
 Брега ласкающей, нездешней и не нашей,
 Закрытой от Романьи остальной
 Оградой бесконечных платных пляжей,
 Весь жар песка, весь терпкий зной дневной
 Впитавшей загорелою спиной,
 Ночных огней искрящеюся пряжей,
 Не Адриатикой... Мне памятен иных,
 Тирренских волн вращающийся ролик,
 Холодноватых, как латинский стих
 Вергилиевых пасмурных буколик.
 И прямо в них, в колышущийся мрак
 Закатное ложилось светило.
 Я рядом плыл, и слышно было, как
 Бубня на дно громада уходила.
 А ночью сквозь открытое окно
 Врывались стоны, рокоты и гулы,
 Как будто кто-то, умерший давно,
 Свои недоумения, посулы
 И оправдания пытался досказать.

Зачем? Кому, бессонному? Не мне ли?
 Ворочался, вставал. Светлело в пять.
 И сумрачные воды розовели.

III

Мне серебряный перстень хотелось купить
 Здесь с топазом или аметистом,
 Чтобы так и тянулась Италии нить
 Через жизнь мою светом огнистым.
 Побоялся. Во-первых, и долларов жаль...
 Во-вторых, как носить его буду? –
 Не привык. На площадке небесная даль
 Подступала, слепя, отовсюду.
 В дымке горы, холмов набегающий ряд,
 Свежий ветер смятение будит.
 Не возьмет, к сожаленью, фотоаппарат,
 А вот память зато не забудет.
 Я уснуть бы хотел, прислонившись к стене
 Неокрашенной, солнцем нагретой.
 И не перстня, а жалко Италии мне –
 Нескончаемой юности этой.

IV. КАПЕЛЛА МЕДИЧИ

Безликий День стыдится слепоты,
 А Ночь, смежая пасмурные очи,
 Застыв, все знает, но сказать не хочет...
 И видишься себе здесь лишним ты,
 Где все уже свершилось, несмотря
 На то, что судорога пробужденья
 Терзает Утра мраморную плоть;
 И мышцы напрягающего зря
 Беспомощны тоска и отвращенье
 Скупого Вечера, и сна не побороть.
 Чего тебе еще, свидетелей каких?
 Все так же завершится горькой складкой
 У губ, когда задумавшись притих
 Над жизнью прожитой и над судьбою шаткой.
 Ты и сейчас, сюда попавший бог
 Весть каким изгибом своенравным
 Случайности, любви не уберег,
 Любви, казавшейся и бывшей самым главным.

V. РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

Вообще-то ведь она – фотомодел
 Пятнадцатого века. По журналам

Их столько наберется, точно хмель
 Цветущих, телом выпуклым и впалым
 Своим берущих с ходу города
 И заполняющих мелованное поле
 Пустых страниц. А ты уверен, да,
 Что и она... не более? – Не боле,
 Но и не менее. У греков красота
 Принадлежала не себе, а миру.
 Пари, сияй с прекрасного холста
 Безмолвным вызовом и морю, и эфиру,
 Природе всей, тоске и пустоте
 Убогой жизни, нищенского быта.
 Из пены грез рожденные все те,
 Чья стать земная каждому открыта.

VI

Мы опоздали на две минуты,
 Касса закрылась, карабинер
 Не пропустил, идиот надутый.
 Я б заплатил и сверх всяких мер.
 Так и остались сиять под спудом
 Фрески Мазаччо. Сюда теперь
 Сердцем тревожным стремиться буду,
 Не выносящим любых потерь.
 Словно ты спрятала в складках платья
 Розу, Флоренция, – ярче дня,
 Вызвав, что юной любви объятья,
 Как оказалось, не для меня.
 Растиражированными юнцами
 Буонарроти – других морочь,
 Стиснув соборы свои дворцами,
 Днем потеснив беззаботным ночь.
 В страсти, как все, не безгрешен, верно,
 Я ли не сдерживал натиск свой?
 Вот и Юдифь твоя с Олоферна
 Свежеотрубленной головой.

VII

Нет, не Германия. Здесь даже Муссолини
 Был, словно сон, хотя и долгий, и пустой.
 Что солнцу этому, что первородной глине
 Приказы цезаря и варваров постой!
 В гнезде фанатика, с его суровой жаждой,
 В монастыре Сан-Марко – оцени! –
 Картинка яркая на стенах кельи каждой,
 Цветку волшебному, жемчужине сродни.
 И простодушие противостать умеет
 Унылой мрачности. Не слушая вождя,

Народ пред наготой святой благоговеет,
Титанов мраморных на площадь выводя.
Рассудку вопреки, наперекор стихии
(Пусть север корчится под грубой властью их!)
Природность Греции и роскошь Византии
Наследует, в крови храня латинский стих.

VIII. ОБРАТНО

Когда ты видишь столько городов
И столько стран в одном калейдоскопе,
Вопрос закономерный: где улов,
В чем смысл твоих блужданий по Европе?
Автобус спит, скользит сырая ночь,
Дробя огни, проглатывая зданья.
И память не способна превозмочь
Ни дремы, ни тоски, ни ожиданья.
Увидеть – это значит как бы сбить
Настройку, поменять координаты,
Расставленные кем-то, спесь и прыть
Умерить, сократить немного штаты,
Раздутые, страстей или надежд.
Увидеть – все равно что отразиться
В самом себе. Я не смыкаю вежд...
И скоро будет польская граница.

* * *

В тоске моей плоти, в печали сердца,
В темноте и во мраке, во вздохах и плаче
Вперед пойду я.

Из поэмы «О все выдавшем»

«В тоске моей плоти... во вздохах и плаче...»
Минуло уж пятьдесят столетий,
Но тем же, все тем же – и не иначе –
Путем идем мы, и стоны эти
Должны, казалось бы, как таблицы
В библиотеке Ашшурбанипала,
Стать глиняным крошечком, превратиться
В сухую пыль, чтобы их не стало.

Но даже клинопись, лапок птичьих
Следы хранящая, уцелела,
И ты, надежда – во всех обличьях,
И ты, страдание без предела,
И ты, забывчивость, без которой
Кто мог еще бы держаться веры,
Поскольку, вспомни: за нами горы
Костей, покруче чем Кордильеры.
В слезах и вздохах – как слышать странно,
В тоске и страхе несчастной плоти –
Кто мы, застигнутые нежданно
Мгновеньем жизни в его полете?

* * *

Только ночью прохладной, прижавшись к стеклу
Лбом, пока вырывает из тьмы
Свет автобусных фар то ольху, то ветлу
И куда-то несемся все мы,
Только ночью в пути бесконечном, когда
Почему-то ни спать, ни дремать
Ты не можешь, следя, как огни города
Зажигают и гасят опять,
Только ночью – с ее непонятной тоской
И восторгом один на один,
Только ночью, летя по мосту над рекой,
Ты как будто ничей и уже никакой,
Весь – в сиянии лунных седин.

* * *

Лишь вернувшись назад, понимаешь, как мы больны,
Видя лица в метро, словно соприкасаясь кожей
С неблагоприятием каждого и всей огромной Страны,
На другие так убийственно непохожей.

Чем же? Свинцовой тяжестью сизых туч?
Зимней тьмой, накрывающей чуть ли не на полгода?
Языком, который так велик, так могуч,
Что уж скоро, кажется, сможет и без народа

Обходиться этого? Я почти не шучу,
Потому что народ-то без языка обходится постоянно.
Мы больны, но чем? О симптомах сказать врачу
Стыдно. Можно лишь собутыльнику, заикаясь пьяно:

«Ты меня... уважаешь?!» – Ах вот где он, корень зла!
Как люблю я эту громадную, убеленную снегом землю,
Драгоценную эту, единственную, что меня родила.
Как люблю – мучительно, горько, – и не приемлю...

ПРАГА

Почти уже совсем империи столицей
Была готова стать. Но не судьба, увы!
И лишь Рудольф II тут силится забыться
Последним сном, а Гус не клонит головы –

На площади стоит, где, как иголки, шпили
Воткнулись в черный плюш вверх вознесенных крыш.
Зачем, зачем, скажи, здесь столько накопили
Мы всякой ерунды, зачем? – Но ты молчишь.

Как водится – стекло. У Чехии хрустальным
Должно быть сердце. Эх, не довезем, смотри!
Мы видели фонтан со слухом музыкальным,
Танцующий в лучах, идущих изнутри.

Империя? – на что! Лишь мы себя неволим,
Пытаясь удержать разохшийся ковчег.
И даже если здесь бродил когда-то Голем,
Я верю, что сейчас он тоже человек.

* * *

Алексею Пурину

Как странно, что перед концом поют
Все так же Музы чисто и согласно.
А потому, наверное, прекрасна
И смерть сама – усталого приют...

Россия – Атлантида, материк,
Готовый, чтоб над ним сомкнулись воды
Истории. И чуждые народы
Придут сюда, и голос наших книг

Умолкнет, и сотрутся имена
С могильных плит и триумфальной меди,
Останутся березки да медведи. –
Огромная равнинная страна,

Но безъязыкая. А звук уйдет, как вздох,
Туда, где что вам русский, что аккадский,
Где спят давно в одной могиле братской
Царь Соломон, Гораций, Архилох...

* * *

Моим стихам, которым не дано
Написанными быть и воплотиться,
Перебродить в столетнее вино,
Преодолеть, летейская граница,

Тебя, ворваться брызгами ракет
(Каких еще тинейджерских фишек
Не перечислил?)... Видишь ли, их нет,
Их просто нет – в пыли забытых книжек.

Точнее, есть. Но, кажется, теперь
Небытие у нас неотлично
От бытия. Не чувствуя потерь
Своих, идет слепое время мимо.

Ты в нем уже, как будто вышел срок,
Весь растворен, изглажен без остатка.
И как-то даже безутешно-сладко
Шептать обрывки выморочных строк.

* * *

Когда уже поздно что-либо исправлять,
Ты имеешь редкостную возможность, приглядываясь к неудаче,
Спокойно принять и понять,
Что все случившееся не могло случиться иначе.

И даже если могло... Это ровным счетом никак
Не изменило бы общего хода
Вещей... Потому что есть только мрак –
Только мрак и свет, до ближайшей звезды идущий четыре года.

Это не фатализм, а просто – вектор необратим.
Сколько бы ни задолжал – обрадуйся! – будет счет оплачен.
Потому что в те же самые руки передадим
Свой единственный опыт – удачен он был или же неудачен.

* * *

Нитка у четок опять перетрется скоро,
Нам же с тобой телефонного разговора
Хватит, чтоб снова проснулся дремучий страх
Непонимания, горечь пустого спора.
Значит, себя и душу держать в руках

Надо. Коли ресница, слеза слепи и
Жги, как звезда, воссиявшая в небе вновь.
Знаешь, все в этом мире подвержено энтропии,
Держат одни лишь мужество и любовь.

К старости устаешь, но порядок в доме
Надо поддерживать, хоть закуси губу,
Хоть тут умри, никому не пеняя, кроме –
Кроме себя, не жалуясь на судьбу.

* * *

Смысл имеет лишь спасать спасаемых,
С грустью вспоминая неспасенных.
Что до чувств, страстей неприкасаемых,
Упований, ветром унесенных, –

Не жалей о них. Вдыхая вечером
Талый воздух осени усталой,
Оправдаться, защититься нечем нам
От того, что было и не стало.

В вышине мелькает, раззолочена,
Ветка клена, фонарем подсвечена.
Потому ль, что в сердце червоточина
Или боль ничем не обеспечена,

Потому ли, что вина не вложена
До конца – и каяться чего же?..
Тьма густа, как будто ночь створожена,
И туманом влажным липнет к коже.

И идешь, охвачен им, с пустеющей
Головой, ловя глухие звуки.
Где с тобою встретимся? – Во сне еще?..
Ничего не зная о разлуке.

* * *

Пытаясь объяснить, всю ночь шептали губы,
Пытаясь мрак пустой заговорить, всю ночь.
И сердце, словно в нем стучали лесорубы,
Вздыхалось тяжело, и сон стремился прочь

От воспаленных глаз. Какие разговоры
Ведем с тобою мы неслышно столько дней!
Вы, слезы, – в никуда, вы – в пустоту – укоры,
В немую пустоту... И что же там, за ней?

Я подходил к окну, и тополь, посребренный
Луною, шелестя, казалось, отвечал
На смутный зов души, влюбленно-уязвленной,
Не знающей своих пределов и начал.

Ну вот, теперь и ты мои расслышишь вздохи...
Лишь ветра набежит воздушная струя
На кроны тополей и в листьев суматохе
Раздастся шепот губ – запомни, это я.

* * *

Я так пишу сейчас, как будто никогда
Уже потом писать не буду,
Как будто в августе и у Камен страда,
Как будто строки сами отовсюду
Слетаются – поток эфемерид
К зажженной лампочке в беседке дачной,
А сад ночной с досадою стоит
В раздумии над рифмой неудачной.
И утро каждое летучая гряда
Волнистых облаков является с приветом.
Я так пишу сейчас, как будто никогда
Не будет так, как этим летом,
А что-то сдвинется или порвется нить,
Соединяющая землю с небесами,
Я так пишу сейчас, чтоб все договорить,
Пока слова приходят сами.

* * *

О любви получается плохо теперь. Пора
С ней заканчивать, право.
Потому что любовь, как Европа, как мир, стара
И уже не главное блюдо, а лишь приправа,

Потому что ее, как выяснилось, и нет, –
То есть, есть, конечно, но изредка и недолго,
Потому что слишком мучительно ждать ответ,
Наконец потому, что в Каспий впадает Волга

(Тут и спрашивать глупо. Так – общий круговорот:
Были юны и трепетны – стали мамы, грубы). –
Потому что жизнь нам больше не смотрит в рот,
Не целует в губы.

* * *

Александру Кушнеру

Как будто бы это последнее лето,
Я так не хочу, чтоб оно уходило.
Негреющего уже вечером света
Печального августовского светила

Тяжелые красные блики в остывлом,
Но все еще ласковом воздухе ярком...
Распластанной кроной своей, как ветрилом,
Шумит облетающий тополь над парком.

Спокойно-спокойно сидеть на скамейке,
Следя за игрой мотыльков запоздалых
Над клумбой. Как тянут точеные шейки
Цветы! – Сколько белых, лиловых и алых,

Которые звездами мы по-латыни
Недаром назвали. Своими лучами
О чем-то сигналият небесной пустыне,
Пока не зажгутся их сестры над нами.

* * *

Потом, когда переболит душа,
Все по своим расставит не спеша
Местам скупое время, наши силы
Трезвее, равнодушной оценив –
Кто был нетерпелив, а кто ленив...
Таковыми и пребудем до могилы.

За ней... Ну что же, утлых тел состав
Удобрит почву, корни летних трав
Насытит, по ветвям горячим соком
Все выше, выше ринется из тьмы
К ликующему солнцу, ибо мы
И рождены живым его потоком.

Когда-нибудь, чрез миллиарды лет
Мы снова станем звездами и свет
Вольется в свет, питающийся светом,
Тот, что навек с самим собою слит...
Когда душа моя переболит...
И легче, как подумаю об этом.

* * *

В.К.

Ты вот что, не грусти. Когда я сам печален –
Смотрю на облаков по небу легкий бег,
И блеск их белизны так чист, так изначален,
Как будто выпал снег, как будто выпал снег.

Воздушной рекой, сомлев, земля объята
И словно видит сны дневные наяву,
И хочется вот так – с рассвета до заката –
Все позабыв, примять шуршащую траву.

Ты вот что, не грусти. Когда за голубою
Небесною волной придет другой черед
И мир затопит мрак – я помню... я с тобою...
На звезды погляди, на их прозрачный лед.

* * *

В самый последний дачный
День среди гряд стоишь.
Падающий, невзрачный
Листик тревожит лишь.

В небе такая дрема,
Дрема и благодать,
Словно мне не знакомо
Горькое «покидать».

Медленно тянет муха
Сонную песнь свою,
Шепчутся ветки глухо,
Я замерев стою.

Сколько хватает взгляда –
Небо и провода.
И никуда не надо,
Веришь ли, никуда...

* * *

Пусть этой снежной пеленою,
Все охватившей за окном,
И станет бывшее со мною –
Сном, беспробудным зимним сном.

Вот сделаться б, как Гермиона –
Не мертвой, но и не живой,
Обид не знающей, урона
Любви, надежды роковой

Застывшей статуей! И веки
Смежив, не видеть, не желать
Тепла обманчивой опеки.
Гладь, белая, слепая гладь...

С небес, нависших серой льдиной,
Пороша сыплется... Легко...
И не тревожит ни единый
Из тех, кто нынче далеко.

* * *

Остались стихи. И они говорят,
Что было: любил, и любили, и ждали.
Но я предпочел бы живые детали
Созвучьям, выстраивающимся в ряд,
Но я предпочел бы любить – не слагать
Стихи о любви – и тобой, а не словом
Владеть. Мне останется только тетрадь,
Исписанная, пузырек с корвалолом
Да горестное неуменье терять...
На самом же деле останется тот
Смысл, неуловимый и нужный едва ли,
Который покоя душе не дает,
Который, совпав, мы с тобой угадали...
Забыли... но все же он где-то живет.
Затем и бессмертна любовь, посмотри,
Что там – в безуханных она, полумертвых
Цветах, в сердцевине надежды, внутри
Несбывшихся грез, в небесах распростертых,
Вне времени, вне отвердевших корой
Пространства пределов. И, значит, не нами
Хранима, а все-таки ими, свой строй
Удерживающими чудом стихами.

* * *

С опустошенной душою
Покинув остров Валаам,
Что вспомню? – Как над небольшою
Уютной бухтой божий храм
Взмывает в небо чайкой белой,
Как диабазовою стелой
Любой становится утес,
И как корнями в скалы врос
Сосновый лес, и берег дальний,
Теряясь в дымке, свой печальный
И нежный контур в синеве
Озерной глади намечает,
Как в дрему клонит, как качает
Волну, прижатую к волне.

И мне с тобой – тебе со мною
Довольно этого (рукою
Коснусь), довольно легких дней,
Живущих жизнью мотыльковой,
Такой бесстрашно-неготовой
К возне полуночных теней.

* * *

Памяти Саши Утехина

Я не могу понять, что значит *больше нет*.
Ведь где-то там внутри все тот же день в апреле
В Одессе: ветер свеж, прозрачно-ласков свет,
И голые кусты опять зазеленели,

И наша юность там, где брызги от валов
Морских на волнолом к нам, глупым, долетали,
Счастливым без вина, все знающим без слов –
Всего лишь потому, что мы еще в начале,

В начале долгих зим и мимолетных лет,
Стекающих... Куда? – В холодный, беспросветный
Пустой резервуар? Что значит: больше нет?
Что значит: нет тебя, мой давний друг, мой бедный?

Изношенную жизнь кому передаем,
Как старый свой костюм со свадебного бала,
Сходя в небытия просторный водоем,
Где место есть всему и всем, кого не стало?

БРИТАНСКИЙ ГЕРБОВНИК

Ире

* * *

Что моей памяти с этим летом
 Делать? Отложится про запас,
 Как своим колющимся букетом
 Англия провожала нас. –

Роза в объятых чертополоха...
 Три леопарда, шотландский лев...
 Как тебе было в дороге плохо,
 Как я помалкивал, присмирив!

Но уж зато мы потом ходили...
 Как мы ходили до темноты!
 Словно влюбленные с Пикадилли,
 И широко улыбалась ты.

Этому гению места, чуду,
 Прикосновению легких крыл
 Юности – жаловаться не буду,
 Что я почти уже их забыл.

* * *

Обнявшись, лев с единорогом
 На задних лапах привстают.
 Игрушечной, хранимой Богом
 Твоей монархии уют,

Британия-островитянка,
 Мне, как рисунок детский, мил.
 Пролива сливовая склянка,
 Где чаек чипсами кормил.

В тумане замерло над нами
 Светило, как велел Навин,
 И повторяют губы сами
 Девиз заветный: save the queen!

Храни чудесную обитель,
 Где новый старому вослед –
 Преемник, а не разрушитель...
 Где как бы даже смерти нет.

* * *

Лапки у уток красны, как мундиры
Гвардии Елизаветы Второй.
Наши по Лондону ориентиры –
Готика башен и мальчиков строй

В шапках медвежьих. Развод караула.
Стонут волынки писклявей и злей,
Словно им музыки этой надуло
В уши с седых каледонских полей.

Тут-то, на юге, – лафа и малина:
Гуси в прудах и в садах цветники.
Нет никаких оснований для сплина
Аглицкого и российской тоски.

Вот с Березовским живет потому-то
Тут Абрамович. Зайдем на Пэлл Мэлл?
Где ты, чукотская вьюга и смуга,
Собственности передел, беспредел?

Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, он в «Челси» вложил –
В духе российско-британского братства.
Что б я так жил!

ВОРОН

Пока он тут – все выдержит стена
Белесых скал, нависших над Ла-Маншем,
И время с курса гринвичских башен
Не сможет сбить приливная волна
Истории... Лишь мы тебе помашем
Издадека, зеленая страна.

Пока он тут и крыльев антрацит,
Как черная дыра на пестром фоне,
Мелькает здесь и там, – ничто короне
Не угрожает, даже плебисцит.

Пока он тут – не перейдет границ
Мерцающее шелком и атласом
Сиреневое море. Кормят мясом
Бифитеры благословенных птиц.

Пока он тут – отпор стихиям дан,
И хаос укрощен рукою властной,
И вопреки пророчице опасной,
Бирнамский лес нейдет на Дунсинан.

ЛЕБЕДИ

В озерном краю у причала
Кормили с тобой лебедей.
Волна отраженья качала
Баркасов, деревьев, людей,

А самое главное – неба,
Лазури его без границ.
За брошенным ломтиком хлеба
Кидалось с полдюжины птиц.

Тех шей белоснежных изгибы,
Тот блеск раскрываемых крыл...
И мы здесь родиться могли бы,
Да, видно, иное сулил

Нам рок. Потому, замирая,
Забыв, как тревоги гнетут,
На миг с отражением рая
Земного мы встретились тут.

* * *

У Стоунхенджа, над которым
Парадом правят облака,
То громоздятся, подобно горам,
То растекаясь, как строка

Какой-то неземной поэмы,
Самим себе не веря, где мы,
Стояли, целя объектив
В раскиданные мегалиты.
И непонятно с ветром слиты
Бубнили камни свой мотив.

Покой стотонной глыбы прочен;
Вдали зеленые поля,
Пасутся овцы вдоль обочин,
Хвостами вяло шевеля.
Бегут машины пестрой лентой
По трассе мимо монумента.

О, вот иллюзия, что нет
Забвения, исчезновенья,
И молодые поколенья
Ступают пращурам след в след,
И небо шлет тебе привет,
И вечны каменные звенья.

В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

«Вы все еще плывете?»

«Мы все еще плывем!»

Александр Кушнер

Саргон, Ададнерари, Набонид...
 Никто, мой друг, тебя и не винит,
 Что ты не помнишь их имен победных,
 А на слуху Зидан, Тьерри Анри.
 Мы словно бы у времени внутри,
 Внутри его сегментов, неприметных,

Но герметичных. И не передать
 Оттуда нам, как после будут звать
 Певцов, царей, героев и пророков.
 И только здесь гул голосов, как вал
 Морской. Ответь мне, Ашшурбанипал,
 Когда настанет исполнение сроков?

На ассирийских барельефах мгла.
 Жизнь не прошла, а только замерла,
 Но мне дано войти в ее пределы,
 Где ловят рыбу, поят лошадей,
 Куда-то гонят скованных людей
 И прямо в солнце выпускают стрелы.

* * *

В «Глобусе» над сценой бестиарий:
 Рак зодиакальный, Скорпион,
 Близнецов тут, как и Рыб, – по паре,
 Лев, Овен, Телец, Стрелец-Хирон,

А еще помянем Козерога,
 Водолея, Деву и Весы.
 Так, по кругу, вдумчиво и строго
 Время движут звездные часы.

А под них подстроены земные,
 Чтобы их легко перевести
 На века, обычаи иные...
 Женственны актеры-травести.

Все смешалось в доме Капулетти.
 Кем, кому платок заветный дан?
 И не отрываясь смотрят дети
 Ста народов, трех десятков стран.

Что там «Глобус»! Целый город слава
 Кормит. И идут с открытым ртом:
 Эйвон – слева, дом, где умер, – справа
 (То есть место, где стоял тот дом).

То ли был он, то ли не был. С нами
 Всех его героев имена.
 Потому что снами, снами, снами
 Маленькая жизнь окружена.

* * *

Что чувствует сейчас странною нелюбимый
 Наследный принц? Ему лишь остается ждать
 Тяжелого венца, постылой власти мнимой,
 Которую потом другому передать.

Так троечника вдруг учитель вызывает
 К доске, а за окном сверканье января.
 Пусть даже он учил, ответа он не знает,
 И вот смутясь стоит, стоит, не говоря.

Какие струны есть или хотя бы были,
 Чтоб сделаться родным, ответить свой урок?
 Диана умерла, но остается Вилли,
 Любимый всеми сын, который править б мог.

А он, совсем один, сидит под сенью флага,
 Как на картине той, где фоном лишь забор.
 И смотрит на страну скривившись, бедолага,
 И музыка вдали играет Nevermore.

* * *

Красномундирный «оловянный»
 Солдатик в шапке меховой –
 Герой, наверно, безымянный,
 Но, к счастью, все еще живой.

Ведь карнавальные литавры
 И театральные реквизит
 Важней, чем боевые лавры,
 Хоть с Темзы холодом сквозит.

А монументы их Беллоне –
 Карикатура, а не страсть:
 Несчастный Нельсон на колонне
 Стоит, боясь с нее упасть.

И лишь орел в красе и силе
 Над Темзой славит на века
 Тех мальчиков, что не пустили
 В свои «Люфтваффе» облака.

* * *

Не гусь ли высидел тот странный небоскреб,
 Похожий на яйцо пасхальное, хрустальный?
 По Лондону бродя, мы не снимали проб
 С пивных сортов и церемониальный

Балет гвардейцев у дворцовых стен,
 Смешной, благополучно пропустили.
 Зато открыло нам художество взамен
 Свои сияющие школы, стили.

В Национальной галерее день:
 Туманы Тёрнера, атлас, шелка Гейнсборо.
 Покоя немота или блаженства лень
 Охватывает душу скоро,

И многого не хочется. Задет,
 Стоишь, картиною одною,
 Где крестит Иоанн Спасителя, и свет
 Прозрачный смешан с тишиною,

И медленный поток струится у ступней,
 И голубь, белизной подобный хлопьям снега,
 Над головой Христа парит, плывет над ней,
 Как сон полуденный и нега...

А выйдешь – гул стоит... скучая на столпе,
 На город адмирал взирает.
 Ты, словно оглушен, идешь в густой толпе,
 И то, в душе, *иное* – замирает.

* * *

А этот город пеликана
 Избрать бы должен был своим
 Навечно символом. Осанна!
 Мы, потрясенные, стоим.

Что королевские палаты,
 Что кафедральных храмов строй! –
 Доценты и лиценциаты –
 Вот кто тут истинный герой.

Ведь здесь с тринадцатого века –
 Всё строят, учат и живут...
 Что Виндзор твой – библиотека,
 А каждый колледж – Холируд.

Как будто камень жить умеет,

Ветвится, корни распластав.
 Как будто даже Бог не смеет
 Нарушить оксфордский устав,

И по последнему удару
 Гася светило, Элогим
 Гласит всему земному шару:
 Увы, тебе не стать таким.

* * *

Шотландских голубей, кочующих в тумане,
 Невидимый полет, тяжелые хлопки...
 Недвижим Эдинбург, как крейсер в океане –
 Далеки берега и воды глубоки.

Суровый ветеран рассеянного флота...
 Дождь то затихнет, то неудержимо льет.
 И за обрывки мглы цепляясь, Вальтер Скотта
 Колочий монумент торжественно плывет.

А рядом-то во всем великолепии строгом
 Георгианский стиль, классический мираж,
 Афинский Парфенон в обличье многоногом,
 Дорическая статья – почти что Росси наш.

Но все-таки ты здесь, за тем туманным краем,
 Зеленая страна, которую поэт
 Искал в своих стихах, считал, должно быть, раем...
 Волшебный Гринок, где теперь твой нежный след?

* * *

Вблизи Уорвика павлины,
 Хвосты раскрыв, во все глаза
 Глядят на замок, парк старинный
 И пламенеют небеса.

Что мне сказать? Не в том мученье,
 Что, изрекая мысли, лгу,
 А в том, что чувство или зреньё
 Внедрить в другого не могу.

Все выразить способно слово,
 Но не услышать глухоте.
 И бесполезно у слепого
 Соседа спрашивать про те

Столь вожаделенные красоты
 Им посещенных дальних стран,

Которыми ты бредил. Что ты! –
В его сознании – экран.

У стен, петляя, серебритя
Река. До самой темноты
Невозмутимо чудо-птицы
Несут глазастые хвосты.

Как к ночи тяжелеет запах
Цветов, как гложет звук любой
И сумерки на мягких лапах
Крадутся тихо за тобой!

Что хочет мне сказать все это,
Какое зрение и слух
Вложить? – И шепчет без ответа...
А запад, выгорев, потух.

* * *

И ты поймешь в провинциальном Бате,
Что нас самих едва ли виноватей
Природы ширь, история, враги,
Что от Москвы до Петербурга пусто,
Хоть кое-где картошка да капуста...
Дороги просят каши, сапоги...

А здесь фасадов каменных и пиний
Согласие, невозмутимых линий
Гармония, подстриженной травы.
Плющом увиты стены и карнизы.
Но, чтоб увидеть это, надо визы
И паспорта заказывать, увы!

Увы, так плачет соловей о розе.
Гольфстрим свернул левее, на морозе
Остались мы. Хотя чертополох
Вполне хорош и в каледонской стуже.
Но бесполезно спорить, кто тут хуже
Из нас, когда ты знаешь сам, что плох.

Я увезу с собой в Гиперборею,
Которую люблю и где старею,
Виндзорский замок, батских римских бань
Крутые своды, Тауэра стены,
Гортензии, левкои, цикламены...
Ну отбери попробуй-ка, достань!

* * *

Чайка над дуврскими скалами меловыми,
Ветер с Ла-Манша и очередь на пароме...
Что же, прощай, в тумане своем, как в дыме,
Тающий, Альбион, я грущу о доме

Или о том, что здесь сердце свое оставил.
Остров ведь, как кораблик, уносит в море –
С замками, с прибамбасами левосторонних правил,
С овцами на холмах, с витражами в Йоркском соборе.

Дальше, все дальше печальная кромка белых
Скал, все темнее, лишь чайка парит над нами.
Остров жизнелюбивых, наивно-смелых,
Волнами окруженный, увитый снами.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

МЕСЯЦ НА СТРОЙКЕ

1. «Над битумоваркой...»
2. Начало работы
3. Без экскаватора
4. Первый перекур
5. Прокладка кабеля
6. Бетонирование полов
7. Второй перекур
8. Привыкаешь?
9. Аванс
10. Конец работы
11. Сумерки. Конец второй смены

Ночное дежурство в лаборатории

«Мелок равнодушно, противно скрипит...»

«Так к сорока пяти...»

Глухонемые в метро

«Луны беловатый мазок на небе темнеющем. Важно...»

«Не запомнить, качаясь на чутких качелях сна...»

На могиле Анненского

Баку

«Стоим на вершине холма. Поутихли туристы...»

Вернувшись на работу

ИЗ ЦИКЛА «РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ»

Один

Алексей Федорович Фомичев

«Сидя за микроскопом, от яркого света устав...»

По вторникам у нас на стажировке студент Дима

Аквариум в механической мастерской

Начальник

Пал Палыч

Начинаю замечать нечто странное

«У Тамары Васильевны в комнате три хризантемы...»

«Есть мужество природное – принять...»

ДЕВЯНОСТЫЕ

Колыбельная

«С тобою, с тобою, с тобою, с тобой, милая...»

«Вегетативная, в чем-то бесполоя эта наука...»

«Весь горячий, горячий!..»

«Молодой и мрачный, с поднятым воротником, с глазами выпуклыми, чуть ли не фасеточными...»

«Как улыбочка то гаснет молодая, чуть смущенная, то снова разгорается!..»

«В гости собираясь, бреясь, галстук скользкий...»

Музей Ахматовой в ПТУ завода имени Жданова

«Словно речь нам наизнанку вывернули, показали, как она струится...»

Владимир и Вероника

Олимпиада для умственно отсталых

ВЫСТАВКА ТВОРЧЕСТВА ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ

1. «Мне на этой выставке запомнилась одна такая...»

2. «Рай такой бутылочный, вытянутый, влажный...»
3. «Вот и подписи: «Больной шизофренией К...»

Памятник

Хроника

В ТЕНИ

На скорой

Ночная палата

Капельница

«Пусть сквозит! Ну хорошо, я свитер натяну. Нет, нет, не надо...»

«Медсестричка по коридору, как стрекоза, промелькнет...»

На операцию

«У него рак, но ему ничего не сказали об этом...»

«А пришедший к нему сын был высок, высок...»

«Очень смешно! Мой сосед по палате, старик, когда нас попросили раздеться...»

«Ожили голубчики! Еще два дня назад...»

«В темноте, в палате сон оцепенелый...»

«Это сейчас мне жутко представить себя через сорок лет...»

«Ничем не пугает: ни легкой повязкой ночной...»

«И тени за ним не придут проводить...»

«Красная сегодня луна такая...»

«Невыразимо скучное счастье двоих...»

«Кипарис над самым обрывом завис...»

ВЕНЕЦИЯ

1. «Все равно о чем писать придется...»

2. «Или страницы так шелестят, или лунные блики множатся, где уж...»

3. «Небо бирюзовое над лагуной...»

4. «Лагуна, влажная духота, сталагмитовое болото...»

5. «Не Флоренция цветочно-черепичная...»

6. «Потому что не суша, не твердь, не стихия морская...»

ИЗ ЦИКЛА «БАЛТИЙСКИЕ ПЕСЕНКИ»

«Хорошо тут бродить. Улочки, лавочки...»

Музей современного искусства «Луизиана»

В Стокгольме

Икар в музее Мелисса под Стокгольмом

Готланд

Швеции королю Карлу Густаву

8 марта 1992

Хельсинки

«Ну прощай, ну прощай, я хранить буду...»

«Я хотел бы сердце остановить...»

«Когда ты сидишь напротив, лишь руку мне...»

«Да ну что ты, я и сам не назову...»

«У любви, у которой одно на уме...»

«...О том, что нет Бога – потому невозможна встреча...»

ТИХОЕ

1. «Господи, порази мой разум трусливый...»

2. «Если честно, я о Тебе ничего не знаю...»

3. «Как же Твое лицо увидеть мне? – Ведь не в Риме...»

4. «Слава Твоя и сила, сила и слава!..»

5. «Этот опыт, по-видимому, не для стихов – как жаль!..»

6. «Лишь молчание на поводке у ночи...»

Возвращение блудного сына

«В конце концов понимаешь...»
 «Со всеми теми, кому это по плечу...»
 «Не быть и все – без всяких снов...»
 «Так, ресницу вынув из глаза, долго...»

ТРИСТАН

«Морю ли зеленоглазому...»
 «Что делать Марку, как делить...»
 «Из Ирландии волос вился золотой...»
 Море
 «Огоньки и рыбы одни вокруг...»
 «Если бы ты была...»
 «Как ночами вечность тебе шептала...»
 «Совершенно непонятно...»
 «Раз, хотя бы раз ему б откликнуться...»
 «Пей, к губам подноси...»
 «Как будто впереди по крайней мере сотни...»
 «Пока не сгнило тело, что успеть...»
 «Что означает это стояние...»
 «Ты теперь меня убить можешь...»
 «Понимаю – и не понимаю...»
 «То, что есть у тебя, мне отдай, мне отдай!..»
 «Платы слова, платы взгляда...»
 «Все останавливается во мне...»
 «Я боюсь остановиться, боюсь закончить...»
 «Все, что тут происходит со мною...»
 «Ни врачи, ни духовники, ни друзья...»
 «Я поставить все это хочу как заклад...»
 «Внутри тебя ли, за тобой...»
 «Все ваше будущее волнение...»
 «Все это разыгрывается в конце концов...»
 «Заплатить за этот глоток головой...»
 «Ах, не тепел – горяч, горяч...»

НОЧИ

«Счастье, только счастье – непереносимо...»
 «Как плазму миллионоградусную...»
 «Три дня еще живу, а на четвертый, пятый...»
 «Это чувство хлынувшее, что сбивает строку...»
 «О как легко ложилось тело...»
 «Меня собою реабилитируя...»
 «Так легки были, что раскладушка...»

ИЗ ЦИКЛА «БЕЗБЛАГОДАТНЫЕ ОДЫ»

На новое тысячелетие
 На виртуальную реальность
 На культуру
 На русскую душу
 На разлуку
 «Слава богу, что, когда трезв, нету жалости...»
 «Я вот тех двоих хотел бы из всего вагона...»
 «Если нас кто-то любит, то это Бог взывает...»
 «О справедливости тоскуя...»
 «После смертельной тридцатисемилетней черты...»
 «Ты понимаешь, поздно быть счастливым...»

«Если бы я родился не здесь, а, скажем...»

«Морская свинка Люська: год и два...»

«В том усыплении, которое наводит...»

СНЫ О ЯБЛОЧНОМ ГОРОДЕ

1. «... Так что впечатления...»

2. «Здесь не одна, а двадцать, тридцать башен Нимврода...»

3. «Вот что я понял, бродя по Бродвею...»

4. «Все привилегии отменены...»

5. «Вот самозабвенно: черный, белозубый...»

6. «В «Метрополитен» мне смотреть Ван Эйка...»

7. «Хорошо мне было: ходил один...»

8. «Это и есть Атлантида, грезившаяся Платону...»

9. «Что-то есть минойское в рекламе...»

10. «Это рай, впрочем рай, где нас нету...»

«Но что там дальше – там, за понимаем...»

«Мой памятник – он здесь. Быть может, крепче меди...»

«Не происходит полного выкладывания...»

«И то, что пишу, – не игра и не творчество даже...»

НОВЫЙ ВЕК

«Ни знамен ее, тысячелетних побед...»

Юбилей поэта

«Что же, в самом деле, я не дерево с влажной кроной?...»

«В черном зеркале смерти увидев себя наконец...»

«В молодости любовь еще не знает масштабов...»

«Странно, так тебя ждал, так тобой надышаться не мог...»

«Это тот, кто любил *невозможно*...»

«А потом они перестанут писаться...»

«У меня два сердца, а не одно...»

«Главное, что, и теряя, отчасти спокоен теперь...»

«Теперь, когда во сне природа умирает...»

«Меньше всего почему-то я о тебе...»

«А были Коншин, Тепляков, Туманский...»

«И вечный рай, и вечный ад лишь тот...»

«Этим летом такие прозрачные дни...»

«Что-то мне без тебя не живется, не пишется...»

«Осень – огромная мертвая рыба...»

«Кончающееся лето...»

«Гениальность – банальна, нет никакой новизны...»

«Я тоже верю: лед, когда упорна...»

«Пора заканчивать. И кажется, что тень...»

«Потому и вечернего солнца неяркого...»

«Вплотную жизнь приблизилась к смертям...»

«Я дожил наконец до времени, когда...»

«Ни Блок, ни Анненский, ни Фет, ни Мандельштам...»

«Видишь ли, все-все, все, о чем мечтал...»

«Рассказать тебе про Париж?...»

«Всю жизнь прожил, как будто около...»

«В одной горсти две плещущихся рыбки...»

«Уже без лиры, на границе двух...»

Величка

ИТАЛЬЯНСКИЕ ФРЕСКИ

- I. «Только и может мечтою быть...»
- II. «Не Адриатикой, ленивою волной...»
- III. «Мне серебряный перстень хотелось купить...»
- IV. Капелла Медичи
- V. Рождение Венеры
- VI. «Мы опоздали на две минуты...»
- VII. «Нет, не Германия. Здесь даже Муссолини...»

VIII. ОБРАТНО

«В тоске моей плоти... во вздохах и плаче...»
 «Только ночью прохладной, прижавшись к стеклу...»
 «Лишь вернувшись назад, понимаешь, как мы больны...»

Прага

«Как странно, что перед концом поют...»
 «Моим стихам, которым не дано...»
 «Когда уже поздно что-либо исправлять...»
 «Нитка у четок опять перетрется скоро...»
 «Смысл имеет лишь спасти спасаемых...»
 «Пытаясь объяснить, всю ночь шептали губы...»
 «Я так пишу сейчас, как будто никогда...»
 «О любви получается плохо теперь. Пора...»
 «Как будто бы это последнее лето...»
 «Потом, когда переболит душа...»
 «Ты вот что, не грусти. Когда я сам печален...»
 «В самый последний дачный...»
 «Пусть этой снежной пеленою...»
 «Остались стихи. И они говорят...»
 «С опустошенною душою...»
 «Я не могу понять, что значит *больше нет*...»
 «Так устал... А всего только сорок три!»

БРИТАНСКИЙ ГЕРБОВНИК

«Что моей памяти с этим летом...»
 «Обнявшись, лев с единорогом...»
 «Лапки у уток красны, как мундиры...»

ВОРОН**ЛЕБЕДИ**

«У Стоунхенджа, над которым...»

В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

«В «Глобусе» над сценой бестиарий...»
 «Что чувствует сейчас, страну нелюбимый...»
 «Красномундирный «оловянный»...»
 «Не гусь ли высидел тот странный небоскреб...»
 «А этот город пеликана...»
 «Шотландских голубей, кочующих в тумане...»
 «Вблизи Уорвика павлины...»
 «И ты поймешь в провинциальном Бате...»
 «Чайка над дуврскими скалами меловыми...»